Профессоръ А. А. Дмитріевскій.

ГРАФЪ
Н. П. ИГНАТЬЕВЪ,

КАКЪ ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ
НА
ПРАВОСЛАВНОМЪ ВОСТОКѢ.

(По неизданнымъ письмамъ его къ начальнику Русской Духовной Миссіи въ Іерусалимѣ о. архимандриту **Антонину Капустину**).

„Безъ неудачъ и испытаній слишкомъ легко было бы на землѣ жить, а мы сюда присланы для борьбы и труда“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума (отдѣл.), Новоисаакіевская 20
1909.

Профессоръ А. А. Дмитріевскій.

ГРАФЪ
Н. П. ИГНАТЬЕВЪ,

КАКЪ ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ

НА

ПРАВОСЛАВНОМЪ ВОСТОКѢ.

(По неизданнымъ письмамъ его къ начальнику Русской Духовной Миссіи въ Іерусалимѣ о. архимандриту **Антонину Капустину**).

„Безъ неудачъ и испытаній слишкомъ легко было бы на землѣ жить, а мы сюда присланы для борьбы и труда“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В Киршбаума (отдѣл), Новоисаакіевская 20
1909.

Граф Н. Игнатьевъ

Графъ Н. П. Игнатьевъ, какъ церковно-политическій дѣятель на православномъ Востокѣ.

„Безъ неудачъ и испытаній слишкомъ легко было бы на землѣ жить, а мы сюда присланы для борьбы и труда“.
(Изъ письма Н П Игнатьева къ арх Антонину 3 февр. 1878 г.)

20 іюня въ своемъ имѣніи Круподерницы Кіевской губерніи отошелъ въ вѣчность блестящій дипломатъ и большой знатокъ дѣлъ нашихъ на Дальнемъ и особенно на Ближнемъ Востокѣ графъ Н. П. Игнатьевъ. Мирная кончина его вдали отъ дѣлъ государственныхъ, послѣ пережитаго имъ апогея своей выдающейся политической карьеры, въ полузабвеніи, не вызвала въ нашей періодической печати оживленнаго обмѣна мыслей и сужденій. Оцѣнка его разносторонней и весьма плодотворной политической дѣятельности не нашла въ ней надлежащаго себѣ мѣста и, по нашему мнѣнію, освѣщена въ высшей степени односторонне, неполно и даже обидно бѣгло. Въ некрологахъ и передовыхъ статьяхъ упоминалось о молодецкомъ появленіи Н П Игнатьева въ 1860 г. во главѣ 19 казаковъ въ столицѣ Китая въ Пекинѣ, въ виду англійскаго и французскаго посланниковъ съ ихъ побѣдоносными арміями, въ качествѣ *спасителя Китая*, и о томъ что, по извѣстному *Айгунскому* договору, онъ сумѣлъ для своей родины добиться правъ свободной торговли по Амуру, Уссури и Сунгари, закрѣпить за Россіею лѣвый берегъ рѣки Амура со всѣми гаванями до бухты Посьета, обезпечить русскую сухопутную торговлю въ китайскихъ владѣніяхъ и учредить для сего необходимыя консульства въ Ургѣ, въ Монголіи и Кашгарѣ.

Само собою разумѣется, и даже въ бѣглыхъ некрологахъ не могли никоимъ образомъ пройти молчаніемъ его выдающейся, можно сказать, прямо блестящей службы на посту русскаго посла на берегахъ изумруднаго Босфора и о томъ громадномъ вліяніи, какимъ онъ пользовался въ столицѣ Турціи при покойномъ султанѣ Абдулъ-Азисѣ, поставивъ престижъ Россіи на недосягаемую высоту. Живое горячее участіе покойнаго графа Н. П. Игнатьева въ сербско-турецкой войнѣ и въ герцеговинскомъ возстаніи, подготовленіе къ нашей войнѣ съ Турціей въ 1877—1878 годахъ, его совѣты и предупрежденія при мобилизаціи нашихъ войскъ, его, наконецъ, Санъ-Стефанскій прелиминарный мирный договоръ— все это такіе крупной величины факты политической дѣятельности почившаго дипломата, которые не могли быть оцѣнены по достоинству съ полнымъ безпристрастіемъ до послѣдняго времени и требуютъ себѣ нелицепріятнаго суда исторіи и отдаленнаго потомства. Событія на Балканскомъ полуостровѣ минувшихъ и особенно нашихъ послѣднихъ дней ясно показываютъ, что послѣдуй русское правительство совѣтамъ своего прозорливаго и хорошо освѣдомленнаго дипломата въ политикѣ Ближняго Востока, наша послѣдняя турецкая война безспорно прошла бы при болѣе легкихъ условіяхъ, чѣмъ это случилось на самомъ дѣлѣ, и результаты ея для насъ и для государствъ славянскихъ на Ближнемъ Востокѣ были бы неизмѣримо благотворнѣе, чѣмъ тѣ, какими наградилъ насъ и славянъ пресловутый Берлинскій трактатъ. Принятіемъ строго обдуманнаго и жизнію подсказаннаго графу Н. П. Игнатьеву Санъ-Стефанскаго договора, и Турція, какъ это доказывалъ извѣстный политикъ Шармъ, и какъ это со всею очевидностію свидѣтельствуютъ событія нашихъ дней на Балканскомъ полуостровѣ, получила бы гораздо больше выгодъ для себя, или по крайней мѣрѣ, избавлена была бы отъ множества непріятностей и хлопотъ со стороны славянскихъ народностей, входящихъ въ ея составъ, и въ частности отъ злополучныхъ македонцевъ, неудержимо до послѣдняго времени рвавшихся къ автономіи.

Наконецъ, въ краткихъ некрологахъ было помянуто, хотя и вскользь, и о томъ, что почившій дипломатъ былъ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ въ славной плеядѣ искренно убѣжденныхъ славянофиловъ, мечтавшихъ для блага горячо

ими любимаго отечества о *возстановленіи земскихъ соборовъ въ Москвѣ*. Народное представительство, участіе всѣхъ лучшихъ людей страны въ государственномъ дѣлѣ Николай Павловичъ имѣлъ счастіе увидѣть на закатѣ своихъ дней уже осуществившимся на дѣлѣ, но, увы, къ великому для себя огорченію, это представительство народа русскаго, обѣщающее быть можетъ принести ему и безспорныя блага въ будущемъ, пришло къ нему на глазахъ почившаго графа не спокойно и мирно, а черезъ цѣлое море невинно пролитой родной крови и горячихъ слезъ....

Къ глубокому сожалѣнію, никто не обмолвился и не вспомнилъ лишь о заслугахъ графа Н. П. Игнатьева для Церкви православной вообще и для церкви русской въ частности [1]), тогда какъ заслуги его въ этомъ отношеніи многообразны и громадны, и мы, рѣшаясь указать на нихъ теперь, далеки, однако же, отъ мысли, считать свои настоящія строки настолько изчерпывающими данный предметъ, что къ нимъ потомъ ничего нельзя будетъ прибавить новаго. Напротивъ, мы глубоко убѣждены, что будущій историкъ нашего отечества, когда документы только что пережитой нами эпохи, сдѣлаются его полнымъ достояніемъ, а зависть и эгоизмъ современниковъ утихнутъ предъ свѣжею могилою почившаго великаго русскаго дипломата, вопросъ о выдающейся роли графа Игнатьева въ церковныхъ дѣлахъ православнаго Востока и нашего отечества, укажетъ ему почетное мѣсто рядомъ съ такими славными именами, какъ напр., митрополиты московскій Филаретъ, митрополитъ новгородскій и петербургскій Исидоръ, архимандритъ Антонинъ Капустинъ и др. И мы, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенной тяжелой утраты для нашего отечества, если и беремся за перо, то потому, чтобы выразить дань своего глубокаго уваженія

[1]) Не свободно отъ этихъ упрековъ и «С.-Петербургское Славянское благотворительное Общество», въ блестящемъ своемъ собраніи 30 ноября 1908 г., въ память графа Н. П. Игнатьева, выпустившее на каѳедру четырехъ ораторовъ, характеризовавшихъ своего приснопамятнаго предсѣдателя лишь съ одной политической стороны дѣятельности Рѣчи эти были слѣдующія *К А Губастова*: «Миссія генерала Н П Игнатьева въ Пекинѣ въ 1859 и 1860 г г Пекинскій договоръ», *П Д. Паренсова*: «Графъ Н. П. Игнатьевъ, какъ русскій и славянскій дѣятель», *А А Башмакова*: «Игнатьевская школа дипломатіи» и *Г. И Кончева*: «Болгарская памятка графу Н. П. Игнатьеву»

*

къ почившему дипломату, съ одной стороны, и съ другой, располагая случайно попавшими въ наши руки интимными письмами графа Игнатьева, чтобы изобразить эту сторону его блестящей дѣятельности на православномъ Востокѣ безъ прикрасъ, въ надлежащемъ свѣтѣ, его собственными словами.

На первыхъ порахъ своей дипломатической службы въ Константинополѣ (1864—1876 г.) Н. П. Игнатьевъ серьезно ставилъ для себя *правиломъ* не вмѣшиваться въ дѣла духовенства, даже жаловался министру иностранныхъ дѣлъ князю А. Горчакову, что его «духовное вѣдомство насильно хочетъ вмѣшать, какъ «une affaire de discipline ecclesiastique» въ церковные вопросы, и находилъ это для себя даже «страннымъ» но въ скоромъ времени на опытѣ убѣдился, что этой горькой чаши ему не избѣжать. Нашъ посолъ въ Турціи и всѣ почти наши дипломатическіе агенты на Ближнемъ Востокѣ, гдѣ бы они ни находились, по самому своему положенію и въ силу необходимости, вынуждаются двѣ трети своего времени и труда удѣлять именно вопросамъ церковнымъ, а посему волею—неволею и иногда съ азбуки принимаются за изученіе церковной исторіи, каноническаго права и жизни современной православной Церкви. И графъ Н. П. Игнатьевъ на ряду съ вопросами сербскими, черногорскими, румынскими, греческими и кандійскими, въ теченіе не краткаго времени своей службы на берегахъ дивнаго Босфора, вопросамъ изъ жизни православныхъ церквей на Балканскомъ полуостровѣ удѣлилъ едва ли не самую большую часть своего времени. Само собою понятно, что и такому недюжинному, талантливому дипломату пришлось употребить не мало упорнаго труда, чтобы быть въ курсѣ дѣла на православномъ Востокѣ и избѣгать крупныхъ оплошностей, невѣрныхъ шаговъ, или быть обойденнымъ политическими соперниками. И въ дружеской перепискѣ съ арх. Антониномъ, бывшимъ настоятелемъ посольской церкви въ Константинополѣ, начальникомъ русской Духовной Миссіи въ Іерусалимѣ, мудрыми совѣтами коего онъ нерѣдко пользовался, графъ Игнатьевъ откровенно признавался: «Жаль, что васъ здѣсь нѣтъ, а то рѣшительно не съ кѣмъ [2]) посовѣтоваться въ нынѣшнія трудныя времена;

[2]) «А вотъ изъ монхъ, ту сущихъ, больше чѣмъ половина *все французики какіе-то*, характеризуетъ составъ константинопольскаго посольства въ это время архимандритъ посольской церкви въ Константинополѣ

приходится дѣйствовать ощупью въ церковныхъ дѣлахъ, руководствуясь лишь русскимъ чутьемъ и теплымъ чувствомъ» [3]). Напряженная работа въ этомъ направленіи отнимала у него все свободное время, и онъ не находилъ времени для отдыха и дружеской переписки. «Право, столько у меня теперь заботъ и переписки, писалъ онъ тому же о. арх. Антонину, что для дружеской заочной бесѣды рѣшительно нѣтъ времени. Вы знаете, что *привыкъ я удѣлять все свое время службѣ, а себѣ оставляю только обрѣзки»* [4]). И справедливость требуетъ признать, что, при своей даровитости, упорномъ трудѣ, прирожденномъ тактѣ и истинно «русскомъ чутьѣ», онъ въ концѣ концовъ успѣлъ завоевать на Босфорѣ громадную популярность и сдѣлать весьма много полезнаго для православной Церкви и русскаго дѣла на Востокѣ.

На графа Игнатьева на самыхъ первыхъ порахъ его пребыванія на Востокѣ выпала щекотливая задача разрѣшить вопросъ, начатый еще въ царствованіе императоровъ Александра I и Наполеона Бонапарта I и затормозившійся при его предшественникѣ князѣ А. Б. Лобановѣ-Ростовскомъ (1859—1863). L'affaire de la Coupole—дѣло о возобновленіи купола надъ храмомъ Гроба Господня, который угрожалъ паденіемъ, и о сооруженіи купола въ ротондѣ на средства правительствъ русскаго, французскаго и австрійскаго послужило предметомъ его оживленной дипломатической переписки. Ему удалось въ лицѣ іерусалимскаго консула А. М. Карцова имѣть весьма ловкаго дипломата, сумѣвшаго сгладить всѣ шероховатости въ этомъ щекотливомъ вопросѣ и привести къ соглашенію интересы различныхъ вѣроисповѣданій, а въ академикѣ архитекторѣ Эпингерѣ пріобрѣсти талантливаго исполнителя выработаннаго графомъ Игнатьевымъ проекта сооруженія этого купола, разъ навсегда удалившаго изъ величайшей христіанской святыни грязь и нечистоту отъ

о Смарагдѣ, впослѣдствіи епископъ сухумскій, въ письмѣ къ арх. Антонину 4 марта 1873 г., лишь бы ноготки были чисты, да были бы перчаточки съ тросточкою, а тамъ хоть трава не расти! Болгарскій вопросъ не изучили, іерусалимскій вашъ вопросъ не начинали еще изучать. А. депешъ пишутъ и переписываютъ тьму. За то *отлично изучилъ* грековъ, турокъ, болгаръ и прочихъ нашъ Николай Павловичъ. Не браните его за нѣкоторыя ошибки; *вѣдь онъ тутъ у насъ одинъ работаетъ, и работаетъ неутомимо... хорошихъ совѣтниковъ въ чисто русскомъ духѣ — мало*"

[3]) Письмо къ арх. Антонину отъ 25 іюня 1867 г. [4]) Тоже отъ 7 окт. 1866 г.

обильнаго дождя, падавшаго на кувуклій непосредственно. „Передайте Эпингеру, говоритъ онъ въ письмѣ къ о. Антонину, что ожиданія мои *оправдались вполнѣ*. Послѣ его отъѣзда, я сообщилъ Лутье (французскому послу) проектъ инструкціи архитекторамъ, но сей представитель Франціи заявилъ, что имѣетъ только полномочіе на разрѣшеніе постройки пресловутаго abri provisoire. Онъ замѣтилъ, однако же, что лично не имѣетъ ничего противъ моей редакціи, но не обладаетъ правомъ принять ее, не получивъ особой инструкціи изъ Парижа. Я передалъ копію съ моего проекта Лутье и жду теперь отвѣта изъ Парижа. Письмо г. Эпингера мнѣ очень пригодилось и срѣзало аргументъ Лутье, опиравшагося на аргументъ Бернера и Мауна“ [5]). Неохотно поэтому графъ Игнатьевъ отпускалъ изъ Іерусалима консула А. Н. Карцова, переведеннаго въ Корфу, такъ какъ послѣдній съ вопросомъ о куполѣ уже достаточно былъ знакомъ, а между тѣмъ графъ Игнатьевъ еще „опасался будущихъ козней французскаго консула и латинскаго духовенства“ и считалъ необходимымъ для себя въ этомъ дѣлѣ „ухо остро держать, чтобы избѣгнуть подкопа“ [6]). Работы по сооруженію купола благополучно были доведены до конца въ 1869 году. и ключи отъ купола вручены французскимъ консуломъ іерусалимскому губернатору, который, въ присутствіи русскаго консула, передалъ ихъ *греческому* іерусалимскому патріарху, выговоривъ при этомъ право для католиковъ освѣщать его въ ихъ праздники. Такъ, настойчивостію и дипломатическими искусными ходами удалось графу Игнатьеву „кончить бѣдственное, постыдное для христіанства разрушеніе купола и паденіе [7]) его на кувуклію и св. Гробъ Господень“ [8]).

[5]) Письмо къ о. Антонину 3 мая 1866 г. [6]) Тоже отъ 29 января 1867 г. [7]) Куполъ Свято-гробскаго храма въ 1851 году началъ осыпаться: старые свинцовые листы купола, отрываемые вѣтрами, пропускали дождь, который проникалъ въ деревянныя балки купола, и образовывалъ сырость и гниль, грозившія опасностью паденія этого купола. Цѣлые ручьи дождевой воды текли по стѣнамъ храма, осыпая штукатурку и туша даже горящія лампады, и приходилось, въ защиту благолѣпія храма, протянуть подъ куполомъ навощенное полотно Нерѣдко падающая со стѣнъ штукатурка ранила паломниковъ. По почину русскаго Государя Николая Павловича, защитника православія, съ согласія императора французовъ, покровителя католицизма, приступлено было къ починкѣ, причемъ участіе въ этомъ дѣлѣ принялъ и турецкій султанъ. 5 сентября 1862 г.

Но едва ли не самое тяжелое наслѣдство отъ его предшественника выпало на долю графа Н. П. Игнатьева — это рѣшеніе запутаннаго и уже достаточно испорченнаго церковаго вопроса—болгарскаго. Съ чувствомъ живого интереса, какъ идеалистъ—славянофилъ, графъ Игнатьевъ слѣдилъ за всѣми сложными перипетіями этого вопроса, искренне желалъ его благополучнаго разрѣшенія и, конечно, съ пользою для болгарской церкви и безъ особенныхъ потрясеній для греческой церкви. «Дѣла церковныя идутъ весьма плохо, признавался графъ Игнатьевъ арх Антонину въ 1866 г. *Добился я* новаго общаго собранія по болгарскому вопросу, но, разумѣется, вышло только, что греки вышли изъ себя, обругали болгаръ, назвали ихъ публично бунтовщиками противъ церкви и правительственныхъ мѣръ. Едва уговорили составить коммиссію, чтобы отвѣтить обстоятельно на извѣстные шесть пунктовъ болгарскаго заявленія. Составъ коммиссіи плохой.... Едва ли выйдетъ какой либо толкъ» [9]). Для благопріятнаго разрѣшенія этого щекотливаго вопроса графъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ. Послѣ торжественнаго молебна въ русской церкви въ Перѣ по случаю избавленія Государя Александра II отъ руки злодѣя Каракозова, когда вселенскій патріархъ не только служилъ, но и сказалъ «приличную случаю» проповѣдь, графъ Игнатьевъ выхлопоталъ для него драгоцѣнную панагію. «Въ ознаменованіе Высочайшаго благоволенія за храбрость, оказанную (на молебнѣ) патріархомъ, синодомъ и православнымъ обществомъ константинопольскимъ, а также для того, чтобы „смазать“ (простите за выраженіе), писалъ графъ Игнатьевъ о. Антонину, пожалована вселенскому патріарху драгоцѣнная панагія. Передавая ее торжественно святѣйшему Софронію (скончался на тронѣ александрійскаго патріарха), *я огорчилъ немного почтеннаго старца заявленіемъ, что въ лицѣ патріарха Государь хотѣлъ выразить свое благоволеніе всѣмъ* подписанъ протоколъ между великимъ визиремъ Али—пашою и посланниками русскимъ и французскимъ, и назначены архитектора русскій и французскій. Возникли, однакоже, пререканія между архитекторами, и въ дѣло вмѣшались католики, желавшіе помѣшать русскимъ участвовать въ этомъ святомъ дѣлѣ. Въ 1865 году, благодаря настояніямъ графа Игнатьева, состоялось окончательное соглашеніе между спорящими сторонами, и куполъ былъ благополучно оконченъ въ 1869 г. [8]) Письмо къ о Антонину отъ 12 января 1866 г. [9]) Тоже отъ 3 мая 1866 г.

единовѣрцамъ нашимъ въ Турціи безъ различія народностей и ознаменовать неразрывную связь, существующую между русскою церковью и вселенскимъ престоломъ, между русскимъ Императоромъ и *православными жителями Востока* и проч., а потому даруемая панагія должна оставаться послѣ смерти или выбытія Софронія въ патріархіи, а не переходить въ руки наслѣдниковъ. Мнѣ хотѣлось предупредить переходъ панагіи въ руки какой-нибудь племянницы и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не упустилъ упомянуть, *что Государь и Россія ожидаютъ отъ патріарха и отъ синода умиротворенія всей паствы, Богомъ ввѣренной вселенскому престолу и т. д., т. е. рѣшенія скорѣйшаго и справедливѣйшаго дѣла болгарскаго.* Мнѣ кажется, что великолѣпная панагія скорѣе подвинетъ и сговоритъ членовъ синода, нежели что либо другое... Не мытьемъ, такъ катаньемъ, а я все бью на одно» [10]) Ратуя въ пользу дѣла болгарскаго, Н. П. Игнатьевъ хлопоталъ предъ русскимъ правительствомъ и о пособіи отъ нашего правительства журналу Бурмова, политическаго болгарскаго дѣятеля и перваго предсѣдателя совѣта министровъ и перваго министра въ освобожденной русскою кровью Болгаріи.

Мечты графа Игнатьева, однако же, не сбывались: греки упорно стояли на своемъ. Приходилось ему не портить нашихъ отношеній къ Великой Церкви и ограждать ихъ отъ возможныхъ печальныхъ коллизій. Когда константинопольскій патріархъ задумалъ для рѣшенія болгарскаго вопроса созвать вселенскій соборъ и пожелалъ поэтому узнать мнѣніе русскаго Св. Синода, то графъ Игнатьевъ постарался всячески помѣшать этой затѣѣ. Онъ предложилъ: „вмѣсто многочисленнаго собора, могущаго повести на первый разъ къ скандалу, или сухого письменнаго отвѣта на послѣднее обращеніе патріарха Григорія къ церквамъ православнымъ, отвѣтить краткою грамотою, поручивъ апокрисіарію дополнить и развить мысль Св Синода изустно и вести все дѣло къ примиренію враждующихъ сторонъ совмѣстно съ сербскимъ митрополитомъ и аѳинскимъ апокрисіаріемъ“ Графъ Игнатьевъ для этого „щекотливаго, но достославнаго порученія“ указывалъ вызвать изъ Іерусалима въ Петербургъ арх. Антонина, чтобы „удостовѣриться“, что онъ „иной человѣкъ, нежели полагаютъ нѣкоторые церковные дѣя-

[10]) Тоже отъ 2 іюня 1866 г.

тели, условиться съ нимъ, дать инструкцію, снабдить надлежащими полномочіями, благословеніями, отличіями и т. п. и отправить въ Константинополь [11]). Русскій Св. Синодъ, какъ извѣстно, отклонилъ мысль о вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ, указывая для сего болѣе нейтральный пунктъ—древній Кіевъ, но и не послѣдовалъ совѣту Н. П. Игнатьева относительно посылки арх. Антонина въ качествѣ его апокрисіарія. Греки же привели свою мысль на соборѣ въ осуществленіе, сузивъ его до помѣстнаго, причемъ, какъ и предполагалъ графъ Игнатьевъ, соборъ этотъ разрѣшился крупнымъ церковно-политическимъ скандаломъ. Соборъ провозгласилъ „этнофилитизмъ", какъ ересь, и слѣдующихъ этому ученію, какъ еретиковъ и схизматиковъ, предавъ анаѳемѣ непокорныхъ болгарскихъ архіереевъ и ихъ единомышленниковъ. Скандалъ этотъ увеличился еще тѣмъ, что іерусалимскій патріархъ Кириллъ II (1845—1872 г.) на послѣднемъ засѣданіи 17 сентября 1872 г. отказался подписать протоколъ собора, отговариваясь необходимостью спѣшно выѣхать въ Іерусалимъ для встрѣчи великаго князя Николая Николаевича Старшаго и его спутниковъ, ѣхавшихъ на освященіе русскаго Троицкаго собора въ Іерусалимѣ на русскихъ постройкахъ, и желаніемъ узнать мнѣніе по сему вопросу своего іерусалимскаго синода.

Н. П. Игнатьевъ еще до объявленія проклятія болгарамъ писалъ въ Іерусалимъ, что «вопросъ греко-болгарскій принялъ, *не смотря на наши многолѣтнія старанія примиренія*, весьма прискорбное направленіе. Богъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ. Греки не на шутку замышляютъ объявить болгаръ раскольниками. Наше положеніе будетъ крайне щекотливое, ибо пропасть прорвется между греками и славянскимъ міромъ» [12]) Теперь, когда ожидаемое печальное церковное событіе стало совершившимся фактомъ, и когда іерусалимскій патріархъ Кириллъ отказался подписать протоколъ собора, выѣхавъ въ Іерусалимъ, графъ Н. П Игнатьевъ весьма обрадовался этому событію и черезъ арх. Смарагда прислъ о. арх. Антонина, чтобы послѣдній «поддержалъ доброе настроеніе души блаженнѣйшаго Кирилла и подѣйствовалъ на его синодъ, чтобы патріархъ и синодъ какъ бы не спѣшили посылать отвѣтъ свой въ Константинополь» [13])

[11]) Тоже отъ 22 ноября 1870 г [12]) Тоже отъ 9 февраля 1762 г. [13]) Тоже отъ 21 сентября 1872 г

Но совѣтъ графа Игнатьева былъ уже запоздалымъ. Недовольные фанаріоты успѣли убѣдить враждебныхъ патріарху святогробскихъ клириковъ, чтобы они настойчиво потребовали отъ патріарха Кирилла подписанія соборнаго константинопольскаго опредѣленія и признанія болгаръ схизматиками, или же, въ случаѣ его упорства, низложили его. Пока шло освященіе Троицкаго собора на русскихъ постройкахъ, и пока великій князь Николай Николаевичъ находился въ Іерусалимѣ, іерусалимскіе клирики волею-неволею молчали, но какъ только высокіе посѣтители св. Града отбыли изъ него, недовольные патріархомъ быстро повели задуманное низложеніе къ концу. 8 ноября 1872 года синодъ іерусалимскій потребовалъ отъ патріарха Кирилла или до захожденія солнца подписи акта, или удаленія на покой. Такъ какъ патріархъ колебался, то вечеромъ того же дня онъ былъ низложенъ и объявленъ «схизматикомъ». 6 декабря подъ охраною солдатъ отправили низложеннаго Кирилла въ Яффу, а оттуда 17 декабря на пароходѣ Талія въ Константинополь. Мѣстоблюстителемъ назначенъ былъ Прокопій, митрополитъ газскій. Такимъ образомъ изъ болгарскаго вопроса выросъ неожиданно новый церковный вопросъ—*іерусалимскій*.

Графъ Н. П. Игнатьевъ былъ страшно потрясенъ событіями въ Сіонской церкви. Ему, конечно, жаль было не столько слабовольнаго престарѣлаго патріарха Кирилла, который велъ себя далеко небезупречно по отношенію къ Россіи, сколько того, что греки-фанаріоты злорадно торжествуютъ и, вопреки божескимъ и человѣческимъ законамъ, попираютъ «справедливость». По полученіи печальныхъ телеграммъ изъ Іерусалима отъ консула Кожевникова о низложеніи патріарха Кирилла профессорами богословской школы во главѣ съ ея ректоромъ великимъ архидіакономъ Фотіемъ [14]) (большимъ) вмѣстѣ съ синодомъ и святогробскимъ духовенствомъ, за исключеніемъ митрополитовъ назаретскаго Нифонта, виѳлеемскаго Спиридона и Петры аравійской Никифора, графъ Н. П Игнатьевъ въ своей депешѣ отъ 14 ноября 1872 г. на имя князя Горчакова признавалъ «необхо-

[14]) Мы склонны здѣсь усматривать причину, почему арх. Фотій попалъ въ руссофобы и потомъ передалъ по преемству этотъ титулъ и своему сонмennику *Фотію малому*, нынѣшнему александрійскому патріарху

димымъ немедленно телеграфировать въ Кишиневъ къ намѣстнику патріарха архимандриту Патрикію, чтобъ онъ впредь вносилъ въ одинъ изъ нашихъ банковъ доходы съ земель, порученныхъ его смотрѣнію, съ тѣмъ, чтобъ они были здѣсь на храненіи и въ безопасности отъ завладѣнія нашими противниками, такъ какъ мы считаемъ сообразнымъ съ нашими интересами не признавать никого, кромѣ блаженнаго Кирилла, патріархомъ на іерусалимскомъ престолѣ. Въ видѣ справедливой отплаты за секвестръ патріаршаго метоха въ Константинополѣ, подобную мѣру, мнѣ кажется, слѣдовало бы примѣнить ко всѣмъ владѣніямъ палестинскаго патріархата въ Россіи. Между тѣмъ, чтобъ доставить блаженнѣйшему Кириллу возможность продолжать борьбу, какую онъ выдерживаетъ, можно было бы предоставить ему располагать временно своими доходами и въ этомъ видѣ дать ему авансъ» [15]). На основаніи Высочайшаго повелѣнія министерство иностранныхъ дѣлъ и «сдѣлало распоряженіе о наложеніи секвестра на доходы съ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ Гробу Господню въ Бессарабіи и на Кавказѣ», о чемъ черезъ оберъ-прокурора графа Толстого и довело до свѣдѣнія Св. Синода 23 ноября того же 1872 года. «Предвижу, писалъ съ радостію въ Іерусалимъ графъ Игнатьевъ, что когда казну, оставленную Кирилломъ (здѣсь въ метохѣ нашли 60 тысячъ ливровъ, изъ которыхъ уже 1/4 употреблена на подкупъ и взятки), бунтовщики расхитятъ и опустошатъ, тогда они *обратятся къ намъ съ просьбою о снятіи секвестра*, наложеннаго въ Россіи. Жду этой минуты, чтобы предложить св. отцамъ принятіе разныхъ предварительныхъ условій для облегченія нашего положенія въ Іерусалимѣ отъ измѣненія эллинскихъ фантазій».. [16]) «Условія эти надо хорошенько обдумать, пишетъ Н. П. въ другомъ письмѣ въ Іерусалимъ, ибо подобный случай пропустить грѣшно. Мысль моя заключается (въ двухъ словахъ) въ слѣдующемъ: выждать хладнокровно и молча минуту, когда новый патріархъ станетъ хлопотать о признаніи и о снятіи секвестра, и тогда предъявить нѣкоторыя предварительныя условія, опредѣляющія выгоднымъ для насъ образомъ отношенія къ греческому монастырю, т. е. относительно

[15]) Дѣло архив. Св. Синода № 1806, 1872 г. [16]) Письмо къ о. Антонину отъ 13 января 1873 г.

положенія Духовной Миссіи (*право службы на святыхъ мѣстахъ въ опредѣленное время и т. п.*) и нашихъ поклонниковъ и поклонницъ (для прекращенія возможности существующихъ злоупотребленій), а равно выгородить нужное въ пользу Кирилла» [17]).

„Безъ сомнѣнія ваша свѣтлость замѣтитъ, писалъ князю Горчакову графъ Н. П. Игнатьевъ въ депешѣ отъ 14/26 ноября 1872 г., что іерусалимскій синодъ признаетъ Св. Гробъ и все принадлежащее ему «національною собственностью грековъ». Достаточно напомнить въ немногихъ словахъ о щедрыхъ приношеніяхъ всѣхъ православныхъ церквей и націй для прославленія святыхъ мѣстъ, чтобы оцѣнить по достоинству подобную мысль. Въ самомъ дѣлѣ, всѣми украшеніями храмовъ, всѣми своими богатствами Палестина обязана щедрости нашихъ Государей и доброхотнымъ приношеніямъ нашихъ соотечественниковъ безъ различія происхожденія. Въ 1830 г. всѣ православныя населенія сдѣлали складчину въ пользу Св. Гроба, чтобъ уплатить его долги. Сербскій князь Милошъ доставилъ въ это время 500,000 піастровъ; извѣстны приношенія, какія во всѣ времена дѣлали Молдавія и Валахія для іерусалимской церкви. Съ точки зрѣнія права притязанія грековъ также неосновательны. Гатти—шерифы, на кои они думаютъ опереться, обозначаютъ «Румъ» ту націю, которой они предоставляютъ въ собственность св. мѣста,—именемъ, которое прилагается ко всему вообще православному населенію. Первый іерусалимскій патріархъ изъ грековъ избранъ былъ лишь въ 1534 году, а до сего времени Св. Гробъ находился во владѣніи арабскаго духовенства. Христіанская община, признанная обладательницею Гроба нашего Спасителя знаменитымъ гатти—шерифомъ, въ 1517 году даннымъ Селимомъ I, по взятіи Іерусалима, патріарху Абдуллѣ, арабу по происхожденію, носитъ также имя «Румъ». Стремленіе возвысить патріаршій константинопольскій престолъ надъ всѣми другими, придать ему первенство подобно престолу папы въ западномъ мірѣ, и смотрѣть на собственность другихъ церквей, какъ на его достояніе, болѣе и болѣе проявляется въ партіи фанатическихъ грековъ. Эта партія надѣется, сдѣлавшись владыкою православнаго міра, забрать богатства въ пользу фанаріотовъ — мірянъ, заправляющихъ

[17]) Тоже отъ $^{3}/_{15}$ февр. 1873 г.

вселенскою патріархіею. Подобное притязаніе, несостоятельное само по себѣ, является абсурдомъ въ Палестинѣ, гдѣ, по справедливости, можно сказать, каждый шагъ земли, каждый камень храмовъ свидѣтельствуетъ не только о настойчивыхъ усиліяхъ нашей дипломатіи, но и о крови, которой мы никогда не щадили, когда дѣло шло о защитѣ нашихъ единовѣрцевъ»[18]). Чтобы эту мысль о правѣ всего православнаго міра на святыни Палестины отстоять и обосновать документально, графъ Игнатьевъ обратился за справками къ разнымъ источникамъ и ко многимъ церковно-административнымъ лицамъ. «Поелику эллины стали утверждать, что св. мѣста въ Палестинѣ—греческое достояніе, писалъ онъ арх. Антонину въ Іерусалимъ, то представляется необходимымъ *обязательно доказать* безмозглымъ грекамъ, что имъ едвали выгодно примѣнять «филетизмъ» къ Іерусалиму. Въ этихъ видахъ я уже (довѣрительно) написалъ сербскому митрополиту, нашему грузинскому экзарху, чтобы они поискали у себя доказательства на права сербовъ и грузинъ. Прошу васъ убѣдительно пособить мнѣ въ этихъ изысканіяхъ, относящихся къ *опредѣленію равноправности всѣхъ православныхъ народностей на св. мѣста въ Палестинѣ и отсутствія исключительнаго господства грековъ*. Всѣ свѣдѣнія и указанія ваши въ этомъ смыслѣ приняты будутъ мною съ признательностію и употреблены своевременно съ пользою... Вы припомните, что у меня на этотъ счетъ есть своего рода пріемъ. Авось Богъ поможетъ, и добьемся мы, наконецъ, толку, или, по крайней мѣрѣ, выйдемъ изъ нынѣшняго *хаоса*» [19]).

По всѣмъ этимъ даннымъ слѣдуетъ заключать, что вопросъ іерусалимскій сильно взволновалъ графа Н. П. Игнатьева, въ чемъ онъ, впрочемъ, откровенно и признавался арх. Антонину. «*Много горя и заботъ* надѣлали мнѣ болгарское и *іерусалимское* дѣло, писалъ онъ ему, *въ особенности послѣднее*. До сихъ поръ не могу понять, какъ это случилось, что весь монастырь (мѣстный синодъ), «ушелъ изъ рукъ», и намъ не удалось перетянуть на сторону Кирилла достаточное число духовныхъ лицъ» [20]).

Остановившись на „равноправности всѣхъ православныхъ народностей на св. мѣста въ Палестинѣ“, графъ Н. П. Игнатьевъ

[18]) Дѣло Св. Синода № 1806 14/26 ноября 1872 г. [19]) Письмо къ о. Антонину отъ 13 января 1873 года [20]) Тамъ же.

призналь вполнѣ справедливымъ матеріально помогать изъ богатыхъ святогробскихъ имѣній и загнанной арабской народности въ Палестинѣ, съ цѣлью духовно возродить эту народность и дать дѣтямъ ея необходимое школьное образованіе. Неудивительно поэтому, что, когда арх. Антонинъ въ письмѣ къ графу Н. П. Игнатьеву высказался о необходимости помочь арабамъ, послѣдній, какъ это видно изъ письма арх. константинопольской миссіи Смарагда, принялъ это ходатайство съ „любовію и готовностію помочь имъ“ [21]). Находившійся въ Константинополѣ консулъ Кожевниковъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1873 г. даже телеграфировалъ арх. Антонину: „*поддерживайте по возможности арабовъ* и за монастырь безъ особаго приказанія не заступайтесь, денегъ ему не передавайте“. „Съ мнѣніемъ вашимъ,—писалъ графъ Игнатьевъ арх. Антонину,—*касательно пользы арабской гимназіи вполнѣ согласенъ*. Писалъ о необходимости удѣлять 10 или 12 тысячъ рублей ежегодно изъ святогробскихъ русскихъ доходовъ на поддержаніе арабовъ, жду петербургскаго рѣшенія. Хлопотъ и непріятностей надѣлало мнѣ много ваше іерусалимское дѣло“ [22]). Въ мартѣ 1873 г. черезъ арх. Смарагда передано было патріарху Кириллу 300 турецкихъ лиръ „на бѣдныхъ арабовъ въ Палестинѣ“ [23]), и протелеграфировано консулу Кожевникову слѣдующее: „Инструкціи Порты прекратятъ преслѣдованіе арабовъ. Можете помочь къ Пасхѣ—60 лиръ, но не въ одномъ Іерусалимѣ, а и въ Виѳлеемѣ и Яффѣ Здѣсь депутаціи арабской (во главѣ съ проф. Сарруфомъ) выданы 40 лиръ“.

1873 г. 31 марта оберъ-прокуроръ св. Синода графъ Д. А. Толстой доводилъ до свѣдѣнія св. Синода, что, по ходатайству посла Н. П. Игнатьева, „о бѣдственномъ положеніи въ отношеніи матеріальныхъ средствъ бывшаго патріарха іерусалимскаго“ Кирилла, Государь Императоръ соизволилъ „назначить его блаженству со дня низложенія ежегодную пенсію въ 10 тысячъ рублей [24]), со включе-

[21]) Письмо о. арх. Смарагда къ арх Антонину отъ февраля 1873 года.
[22]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ 3/15 февраля 1873 г.
[23]) Письмо арх Смарагда къ о. Антонину отъ 15 марта 1873 года.
[24]) Патріархъ Кириллъ нѣсколько раньше получилъ пенсію въ 5,000 шастровъ отъ турецкаго султана При такомъ матеріальномъ неожиданномъ благополучіи, вполнѣ естественно, ему уже „не *хотѣлось возвращаться въ Іерусалимъ*, какъ писалъ арх Антонину графъ Н. П. Игнатьевъ

ніемъ въ эту сумму издержекъ по переводу ея заграницу, *изъ поступающаго ежегодно сбора въ кружки по церквамъ Имперіи въ пользу Гроба Господня въ Іерусалимѣ*“ [25]). „Блаженнѣйшему Кириллу, — писалъ по этому поводу графъ Игнатьевъ арх. Антонину, дарована пенсія изъ Государева (sic) кармана въ 10 тысячъ рублей ежегодно. Это несравненно болѣе министерской пенсіи и вдвое болѣе того, что я могъ бы получить, при оставленіи поста посла въ Константинополѣ. Опасаюсь, что арабы насъ „выдоятъ“ въ концѣ, но не выдержатъ до конца. Ходатайствую о предоставленіи изъ бессарабскихъ доходовъ въ пользу арабскихъ школъ и духовенства ежегодно до 10 тысячъ рублей. Ждемъ подробныхъ указаній на арабскія потребности отъ Кожевникова, чтобы устроить *это благое дѣло*“[26]). Ходатайство графа Игнатьева было уважено, и деньги пересланы въ консульство въ Іерусалимъ. „Деньги арабамъ уже высланы въ консульство,—писалъ Н. П. Игнатьевъ. — Авось сумѣютъ употребить ихъ на пользу. При такой поддержкѣ (около 30 т. рублей), которую я имъ исходатайствовалъ, и при умѣлости употребленія, арабы могутъ быстро развиться и занять то мѣсто въ православной общинѣ, которое имъ подобаетъ по численности народонаселенія“ [27]). Здѣсь, такимъ образомъ, графъ Н. П. Игнатьевъ выступаетъ передъ нами въ новой малоизвѣстной роли *арабо-фила*.

Новое положеніе дѣлъ въ Іерусалимѣ ставило нашу Духовную Миссію въ щекотливое отношеніе къ избранному на мѣсто патріарха Кирилла митрополиту газскому Прокопію (1873—1875) и требовало санкціи св. Синода, такъ какъ со дня на день ожидался султанскій берать съ утвержденіемъ его. „Мы русскіе—писалъ 22 декабря 1872 г. въ Св. Синодъ арх. Антонинъ, не имѣющіе никакого повода сочувствовать возставшимъ противъ законной власти и никакого основанія не признавать сей власти, *постоянно* и неизмѣнно держались и доселѣ держимся патріарха Кирилла, продолжая обычныя съ нимъ сношенія, и, по объявленіи его схизматикомъ, служили съ нимъ, поминали его въ своей церкви, какъ патріарха (и доселѣ поминаемъ), а по высылкѣ его изъ Іерусалима, пре-

но хотѣлось еще потягаться со своими противниками“ (письмо отъ 1 іюля 1873 г.) [25]) Дѣло Св. Синода № 1806 отъ 31 марта 1873 г. [26]) Письмо къ о. Антонину отъ 4 марта 1873 г. [27]) Тоже отъ 1 іюля 1873 г

кратили и всякія сношенія съ образовавшеюся на его мѣстѣ властію. Пока положеніе такое не представляетъ значительныхъ неудобствъ, но нѣтъ сомнѣнія, что оно не можетъ существовать долго. Поклонники наши естественно, не смотря ни на что, стремятся къ св. мѣстамъ и входятъ, помимо насъ, въ сношенія съ непризнаваемыми нами святогробскими властями, вслѣдствіе чего ежедневно можетъ возникнуть поводъ къ прямымъ сношеніямъ съ ними. Положеніе наше еще болѣе затруднится, когда новоизбранный патріархъ утвержденъ будетъ султаномъ... Приказаній (отъ Св. Синода) можетъ быть долго или никогда не будетъ получено, да едва ли и не лучше, если они по возможности будутъ замедлены, чтобы истомить ожиданіемъ и неопредѣленностію положенія зачинщиковъ прискорбнаго возстанія, и обратить ихъ къ умѣренности. Между тѣмъ мнѣ весьма желательно знать, такъ ли смотритъ на дѣло іерусалимское Святѣйшій Синодъ, и не находитъ ли онъ болѣе благоразумнымъ уже теперь начать Миссіи свое сближеніе съ людьми, въ рукахъ которыхъ такъ или иначе должно остаться завѣдываніе и распоряженіе св. мѣстами“[28]). Что же касается графа Игнатьева, то онъ вполнѣ одобрялъ образъ поведенія арх. Антонина. „Вы поступили весьма правильно,—писалъ онъ ему, отказавшись отъ оффиціальныхъ сношеній, т. е. отъ признанія новаго патріарха, пока нашъ Св. Синодъ его не признаетъ“. Самъ онъ, въ свою очередь, рѣшилъ также „не признавать его и не вступать въ сношенія безъ крайней надобности“, но „выжидать отвѣта на все Св Синода“[29]). И когда, послѣ мирной грамоты патріарха Прокопія отъ 19 января 1873 года, Св. Синодъ отвѣтилъ ему такою же грамотою и тѣмъ разрѣшилъ вопросъ нашей Духовной Миссіи о сношеніяхъ съ іерусалимскою патріархіею, то графъ Н. П. Игнатьевъ остался не вполнѣ доволенъ такимъ исходомъ дѣла. „Вамъ разрѣшено Синодомъ,—писалъ арх. Антонину графъ Н. П Игнатьевъ,—быть въ сношеніи съ Прокопіемъ, *но надо дать чувствовать ему холодность*, чтобы заставить вести съ нимъ переговоры о предоставленіи гарантій на будущее время“ [30])

Въ утѣшеніе графу Игнатьеву отъ іерусалимскаго вопроса остался въ концѣ-концовъ лишь секвестръ святогробскихъ

[28]) Дѣло Св Синода № 1866 отъ 22 дек 1872 г [29]) Письмо къ о. Антонину отъ 13 января 1873 г [30]) Тоже отъ 30 марта 1873 г

имѣній въ Россіи, который онъ и желалъ теперь использовать въ цѣляхъ церковно-политическихъ. „Монастырскія и патріаршія имѣнія въ Бессарабіи и на Кавказѣ, — писалъ онъ арх. Антонину, принимаются (вслѣдствіе іерусалимскихъ и константинопольскихъ безпорядковъ) въ казенное управленіе, съ воспрещеніемъ присылать грековъ для завѣдыванія доходами. Сіи послѣдніе будутъ сохраняться въ банкахъ и передаваться св. мѣстамъ не иначе, какъ *чрезъ* посредство министерства иностранныхъ дѣлъ. Тѣмъ, которыми мы довольны будемъ,—препятствій не будетъ, другіе же должны пенять на себя. *Вотъ тутъ уже положительно приперли къ стѣнкѣ грековъ*“ [31]). Позже графъ Игнатьевъ тѣми же доходами пользовался, какъ средствомъ для примиренія патріарха Кирилла съ святогробскомъ братствомъ и для снятія съ него неправильно наложенной „схизмы“. „Пора бы Іерофею (1875—1882) припомнить обѣщанія свои касательно примиренія съ блаженнѣйшимъ Кирилломъ, говоритъ графъ Игнатьевъ въ письмѣ къ о. Антонину. Перстъ Божій видимо преслѣдуетъ и наказуетъ даже на земномъ поприщѣ дѣятелей схизмы и разстроителей церкви вселенской и іерусалимской: Ликургъ, Веніаминъ, Анѳимъ, Протосинесій, а впослѣдствіи архіереи Евелпидесъ умерли самымъ незавиднымъ образомъ Кириллъ благодушествуетъ и бодръ по прежнему. Говорятъ, что Іерофей пріѣдетъ сюда къ Святой—правда-ли? *Пусть запасется синодальнымъ актомъ для примиренія съ Кирилломъ*, а то будетъ, пожалуй, здѣсь отзываться невозможностью принять рѣшеніе безъ согласія съ своимъ синодомъ и т. п. *Никакіе резоны не будутъ приняты во вниманіе, и я буду настоятельно требовать исполненія обѣщанія, даннаго изъ Смирны* (письменно) *Іерофеемъ и удовлетворенія Кириллу и Россіи, въ немъ оскорбленной. Тогда только буду просить у Государя возвращенія доходовъ* и т. п. Вы знаете, уважаемый отче, мое правило прижать къ стѣнкѣ и неуклонно стремиться къ цѣли, а потому можете быть увѣрены, что я не сдамся, пока монастырь не удовлетворитъ нашимъ справедливымъ требованіямъ“ [32]).

Въ связи съ болгарскимъ вопросомъ стоитъ и такъ называемый „греко-русскій Пантелеймоновскій процессъ“, въ которомъ пришлось покойному графу Игнатьеву принять горячее участіе и много поработать для его разрѣшенія въ

[31]) Тамъ же [32]) Письмо къ о Антонину отъ $^{18}/_{30}$ дек 1875 г.

интересахъ своей родины. Греки, оскорбленные игнорированіемъ со стороны русскаго Св. Синода посланія вселенскаго патріарха и его синода по болгарскому церковному вопросу и *молчаливымъ отказомъ* раздѣлить ихъ точку зрѣнія на этотъ вопросъ, въ связи съ рѣшеніемъ нашего правительства удалить греческихъ монаховъ изъ монастырскихъ имѣній, находящихся въ Бессарабіи, замышляли объявить „схизматиками“ даже и русскихъ. Когда это не удалось имъ, то они рѣшились излить всю свою коварную злобу на неповинныхъ ни въ чемъ русскихъ аѳонскихъ иноковъ, жившихъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ греческими иноками. Ближайшимъ поводомъ къ враждѣ грековъ-иноковъ противъ русскихъ послужило избраніе въ преемники престарѣлому греку игумену обители Герасиму іеромонаха Макарія (Сушкина), русскаго родомъ, каковое избраніе состоялось, по бывшимъ примѣрамъ, 15 октября 1870 г. Греки аѳонскіе, а за ними и внѣаѳонскіе—константинопольскіе и аѳинскіе остались крайне недовольны этимъ избраніемъ, обвинивъ русскихъ иноковъ въ „панславистическихъ махинаціяхъ“ и даже коварныхъ замыслахъ поработить и весь греческій элементъ на Аѳонѣ. Такъ возгорѣлся громкій „Пантелеймоновскій процессъ“, въ обсужденіи котораго живое участіе принимала печать русская, греческая и иностранная. Соблазнительный споръ грековъ съ русскими восходилъ на разрѣшеніе Великой Церкви константинопольской съ ея синодомъ и смѣшаннымъ совѣтомъ и даже Высокой Порты. „*Если бы не искреннее участіе русскаго посла* (графа Игнатьева), *столь для насъ несомнѣнно-благодѣтельное,*—признавались въ свое время русскіе пантелеймоновскіе иноки,—то не только бы просьба наша и всѣ хотя и фактическія доказательства не имѣли бы никакого значенія и остались бы безъ удовлетворенія, но греки выгнали бы насъ съ Аѳона, въ чемъ и состояла главная задача всѣхъ притѣсненій и обидъ, сдѣланныхъ ими русскимъ. Мы не разъ слышали о совѣщаніи ихъ между собою, что нужно успокоить русскихъ, *пока посломъ въ Константинополѣ г. Игнатьевъ*, а когда не будетъ г. Игнатьева, тогда можно поступить съ русскими, какъ угодно, *ибо никто* за нихъ прежде не заступался, никто не заступится и послѣ“ [33]). Самъ покойный графъ Игнатьевъ не

[33]) А. Дмитріевскій Русскіе на Аѳонѣ Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Макарія Сушкина Стр. 189—190 СПБ 1895 г

отрицалъ своего горячаго участія въ этомъ процессѣ. „Вы, конечно, знаете, писалъ онъ о. архимандриту Антонину, что, не довольствуясь преслѣдованіемъ болгаръ и арабовъ, греки хотятъ *выжить и русскихъ съ Аѳона*, при этомъ ярые эллины надѣялись, что *мы не посмѣемъ заступиться за бѣдныхъ иноковъ*. Но вышло иначе. Патріархъ теперь разбираетъ дѣло, принимающее не совсѣмъ благопріятный для коноводовъ оборотъ. Фанаръ наложитъ лапки на Аѳонъ, и поплатятся монастыри. Документы [34]), о которыхъ вы хлопотали вмѣстѣ съ о. Азаріемъ (библіотекаремъ Пантелеймоновскаго монастыря, изъ вятскихъ семинаристовъ), пригодились какъ нельзя лучше. Недавно былъ я опять (въ первый разъ графъ Игнатьевъ пробылъ на Аѳонѣ съ 27 по 29 іюля въ 1866 г.) на Аѳонѣ, и такъ какъ греки хвастались, что противопоставятъ нашему консулу—англійскаго и германскаго, *то привезъ имъ германскаго посла и американскаго посла*. Андреевскому скиту исходатайствовалъ я сборъ въ Россіи на постройку собора“ [35]). Въ результатѣ этого участія графа Игнатьева получилось не только утвержденіе 27 іюля 1874 г. о. Макарія Сушкина игуменомъ Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ, но и полный переходъ этого монастыря уже навсегда въ руки иноковъ русскихъ по происхожденію. „Вотъ на Аѳонѣ я выдержалъ роль до конца, писалъ графъ Игнатьевъ арх. Антонину. Не только о. Макарій игуменствуетъ благополучно, но всѣ монастыри наперерывъ въ насъ заискиваютъ, и протатъ написалъ мнѣ повинную грамоту самымъ смиреннымъ образомъ. Теперь наши отношенія возстановлены на прежней ногѣ, и все обстоитъ благополучно. Деньги стали высылаться. Одному Ватопеду еще нѣтъ поблажки, чтобы „жиръ спустилъ“ и принялся „за монашество“ [36]).

Желая навсегда избавить своихъ соотечественниковъ—аѳонскихъ иноковъ отъ возможности когда нибудь послѣ подвергнуться новой опасности быть удаленными съ Аѳона и такимъ образомъ очутиться безъ всякаго пристанища, графъ Н. П. Игнатьевъ, по просьбѣ уважаемыхъ имъ стар-

[34]) Разумѣются акты аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря, собранные о. Азаріемъ и изданные въ свѣтъ въ Кіевѣ покойнымъ профессоромъ духовной Академіи Ф. А. Терновскимъ Кіев 1873 г. [35]) Письмо графа Игнатьева къ о Антонину отъ 27 іюня 1874 г [36]) Тоже отъ [18]/[30] декабря 1875 г [5]) См подробно объ этой инструкціи въ моей книгѣ «Русскіе на Аѳонѣ», стр. 276 – 282.

*

цевъ Русско-Пантелеймоновской обители архимандрита Макарія и духовника Іеронима, исходатайствовалъ у бывшаго кавказскаго намѣстника великаго князя Михаила Николаевича право поселиться имъ на Кавказѣ въ Сухумскомъ округѣ. Делегаты, отправленные на Кавказъ съ цѣлью выбрать наиболѣе удобное мѣсто для устроенія монастыря, получили особую инструкцію, которая надписывалась такъ: „О Кавказѣ. Взглядъ на избираемое мѣсто, дарованное, *по ходатайству его высокопревосходительства г. посла Н. П. Игнатьева*, Государемъ Императоромъ Всероссійскимъ для водворенія аѳонскаго монашества. 1875 г.“ [5]) Нынѣ процвѣтающій на Кавказѣ, подъ искуснымъ управленіемъ арх. Іерона, такъ называемый *Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь*, составляющій хотя и филіальное, но независимое отъ него отдѣленіе русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ, своимъ бытіемъ всецѣло обязанъ мудрой предусмотрительности графа Н. П. Игнатьева.

Синайское дѣло выросло, благодаря вмѣшательству вселенской константинопольской патріархіи въ избраніе и хиротонію игумена-архіепископа Синайской горы и Раиѳы нѣкоего архимандрита Кирилла, бывшаго дотолѣ игуменомъ одного изъ метоховъ въ Бессарабіи, человѣка хитраго, властолюбиваго и весьма своеобразно понимавшаго обязанности хозяина автокефальнаго монастыря. Непризнанный своимъ преемникомъ по игумении на Синаѣ, почившимъ въ 1859 году игуменомъ-архіепископомъ Константіемъ I (1830—1834), занимавшимъ и престолъ св. І. Златоуста и составившимъ себѣ извѣстность и учено-литературными трудами, и неполучившій хиротоніи отъ іерусалимскаго патріарха Кирилла II (1845—1872), духовной юрисдикціи котораго съ давнихъ поръ подчинялась архіепископія Синайской горы и Раиѳы, архимандритъ Кириллъ, путемъ происковъ, льстивыхъ обѣщаній и заискиванія предъ отцами Синайской обители, успѣлъ не только добиться отъ нихъ своего избранія, но и убѣдить синайскихъ иноковъ въ деспотическихъ притязаніяхъ іерусалимскаго патріарха и въ необходимости черезъ египетское правительство и Высокую Порту добиваться хиротоніи его у патріарха вселенскаго. Несмотря на двукратные по этому дѣлу протесты къ вселенскому патріарху со стороны

патріарха іерусалимскаго Кирилла, какъ на незаконное посягательство на прерогативу его трона, избраніе архимандрита Кирилла архіепископомъ Синайской горы было признано правильнымъ, и хиротонія его состоялась въ Константинополѣ. Вскорѣ событія, имѣвшія мѣсто въ Синайской обители, показали, что іерусалимскій патріархъ былъ правъ, когда не соглашался на хиротонію архіепископа Кирилла, который постарался, по вступленіи на каѳедру, всячески ослабить значеніе монастырскаго собора, удалить изъ обители непріятныхъ ему старцевъ и разослать по отдаленнымъ метохамъ въ качествѣ управителей наиболѣе изъ нихъ вліятельныхъ. Арх. Кириллъ началъ распоряжаться въ Синайской обители деспотично: онъ произвольно тратилъ монастырскія деньги на свои прихоти, стѣсняя до крайности жизненныя потребности иноковъ обители, позволялъ себѣ даже расхищать сокровища монастырской скевофилакіи и т. д Такая вакханалія арх. Кирилла продолжалась цѣлыхъ пять лѣтъ. Когда въ 1865 г. къ празднику св. великомученицы Екатерины прибылъ архіепископъ Кириллъ на Синай и пожелалъ кое-чѣмъ попользоваться изъ сокровищъ обители, то на сей разъ встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны старцевъ обители. Отказъ озлобилъ властолюбиваго архіепископа, и онъ подвергъ почтенныхъ старцевъ обители всевозможнаго рода оскорбленіямъ до побоевъ и голодовки въ заключеніи включительно. Старцы принесли жалобу на архіепископа-игумена египетскому правительству, которое и вызвало съ Синая архіепископа для разбора обвиненій. Хитрый архіепископъ, однако же, направилъ дѣло противъ своихъ обвинителей, и вскорѣ многихъ изъ вліятельныхъ старцевъ обители успѣлъ отправить въ ссылку или же удалить изъ монастыря. Теперь иноки обители Синайской горы рѣшились обратиться за судомъ уже прямо къ патріарху іерусалимскому Кириллу. Послѣдній, послѣ троекратнаго вызова къ себѣ на судъ синайскаго архіепископа Кирилла изъ Константинополя, куда онъ удалился изъ Каира, когда сей послѣдній не явился, и когда жалобы синайцевъ были признаны основательными и уважительными, предоставилъ право произнести надъ нимъ окончательный судъ отцамъ обители заочно. 21 января 1867 года синайцы въ полномъ собраніи постановили: низложить арх. Кирилла и избрать новаго кандидата въ архіепископы, какимъ

оказался *Кириллъ Рокидисъ*, принявшій при хиротоніи имя Каллистрата. 30 августа 1867 г. состоялась и хиротонія новаго архіепископа уже въ Іерусалимѣ [37]).

Такимъ исходомъ дѣла остались, однако, не довольны Кириллъ, бывшій архіепископъ синайскій, лишенный возможности жить на широкую ногу, новый вселенскій патріархъ Григорій VI (1835—1840), подвергшій жестокому осужденію донесеніе синаитовъ о происшедшихъ перемѣнахъ въ управленіи обители, имѣя, очевидно, въ виду возвышеніе авторитета своего трона, и даже русскій посолъ въ Константинополѣ графъ Н. П. Игнатьевъ Послѣдній въ данномъ дѣлѣ сначала прямо стоялъ на сторонѣ архіепископа синайскаго Кирилла [38]) и смотрѣлъ на его дѣло глазами вселенскаго патріарха, но впослѣдствіи, подъ вліяніемъ арх. Антонина, радикально измѣнилъ свой взглядъ, связавъ его съ рѣшеніемъ вопроса о пріобрѣтеніи для Россіи знаменитаго синайскаго кодекса Библіи V в., выкраденнаго ученымъ Тишендорфомъ. „Что касается до вашего оправданія по дѣлу посвященія новаго архіепископа синайскаго, писалъ арх. Антонину графъ Игнатьевъ, то ваши выводы не вполнѣ меня убѣдили, и я остался при мнѣніи (выраженномъ мною, впрочемъ и Мазараки [39]), что *лучше и достойнѣе было бы патріарху іерусалимскому не брать на себя единолично рѣшеніе щекотливаго вопроса о низложеніи своемъ стараго старика Кирилла, и предоставить обсужденіе и присужденіе всей церкви, т. е. всѣмъ четыремъ патріархамъ, по бывшимъ примѣрамъ и согласно тому, что просилъ и Кириллъ Синайскій* [40]) Результатъ былъ бы тотъ же, но въ пристрастіи и поспѣшности

[37]) Дѣло синайское имѣетъ свою длинную исторію, изображенную весьма обстоятельно проф. Кіев Дух Академіи А. Вороновымъ (Труд Кіев Дух. Акад. 1872, II, стр 273—315, III, 594—668). [38]) Это съ очевидностію можно усматривать и изъ отношенія посла Игнатьева отъ 25 іюля за № 200 на имя оберъ-прокурора графа Ю. В Толстого Въ этомъ отношеніи графъ Игнатьевъ писалъ, что онъ «отложилъ до устройства дѣла передачу суммъ, назначенныхъ монастырю горы Синая и поступающихъ къ нему чрезъ наше генеральное консульство въ Египтѣ» (Арх Савва. Собран. мнѣн и отзыв Филарета, м москов по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ стр 168. СПБ 1886) Сн письмо $^{18}/_{30}$ 1868 г [39]) Докторъ, служившій въ русской больницѣ въ Іерусалимѣ [40]) Эта же мысль высказана графомъ Игнатьевымъ и въ оффиціальномъ донесеніи графу Толстому по синайскому дѣлу. Она встрѣтила полное одобреніе м. Филарета (Арх Савва Собр мн и отз по дѣламъ прав ц на Востокѣ стр 167—169).

никто не могъ бы обвинить патріарха іерусалимскаго. Дружба дружбою, а служба службою. Если посольство дѣлаетъ изрѣдка препоны блаженнѣйшему Кириллу, то это съ цѣлью дать ему почувствовать ощутительнымъ образомъ, что безъ нашей помощи или безъ нашего согласія онъ далеко не уйдетъ. Греки такой народъ, что хотя съ ними дружи, не мѣшаетъ камешекъ за пазухой держать. Не правда ли"? [41]) „Ради вашей милости, писалъ графъ Игнатьевъ арх Антонину въ другомъ письмѣ, *ратовалъ я за Каллистрата* въ теченіи всей зимы, и усилія наши увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ. Доброе дѣло хочетъ сдѣлать Каллистратъ, поселившись въ монастырѣ. Ради же васъ нажилъ я себѣ врага въ Кириллѣ, поносящемъ посольство за неподдержку... Что же вы меня не похвалите *за мое стараніе умиротворить Синайскую гору* и вамъ угодить" [42])?

Въ 1867 году графъ Игнатьевъ, какъ мы сказали, стоялъ на сторонѣ синайскаго арх. Кирилла вполнѣ, что ясно доказывается и вышеприведеннымъ письмомъ къ арх. Антонину. Когда синайцы обратились за процентами съ капитала въ 30,000, оставленнаго въ русскомъ банкѣ (Такихъ билетовъ было даже два, и одинъ изъ нихъ растраченъ архіепископомъ Кирилломъ) покойнымъ архіепископомъ Константіемъ, то, по выраженію синаитовъ, отъ графа Игнатьева не послѣдавало „ни гласа, ни послушанія", въ дѣйствительности же на синайскіе капиталы до выясненія дѣла посломъ былъ наложенъ „секвестръ". Не получилось отъ него отвѣта и на запросъ ефоріи русской Амбетьевской гимназіи [43]) въ Каирѣ, по поводу желанія ея видѣть на время суда надъ архіепископомъ Кирилломъ во главѣ школы, согласно волѣ основателя школы, распорядителемъ ея дикея монастыря или его уполномоченнаго [44]). Когда же взглядъ на синайское дѣло у графа Игнатьева измѣнился, то и упомянутый „секвестръ" Синайскій монастырь ставилъ ему въ заслугу. „Уже болѣе полтора мѣсяца, какъ послана въ Петербургъ росписка синайскаго архіепископа въ полученіи всей суммы и орденовъ, писалъ о. Антонину графъ Игнатьевъ, а о. Корнилій

[41]) Письмо графа Игнатьева къ о Антонину отъ $^{18}/_{30}$ іюня 1868 г.2
[42]) Тоже отъ 14 марта 1869 г [43]) Объ этой школѣ имѣется наша спеціальная статья, напечатанная въ «Церковно-приходской школѣ» за 1889 г, ноябрь, подъ заглавіемъ: «Русская (Амбетьевская) школа въ Каирѣ».
[44]) Труд Кіев дух Акад 1872, III, стр 620—621

пріѣзжалъ меня благодарить (въ Константинополь) за доставленіе неожиданнаго денежнаго вспомоществованія (и не заслуженнаго), а также *за наложеніе секвестра, спасшаго* (это дѣйствительно такъ) *монастырскія имѣнія отъ конечнаго разоренія и расхищенія.* Подобный результатъ непремѣнно послѣдовалъ бы вслѣдствіе стачки между кредиторомъ и Кирилломъ и неопытнымъ (незнающемъ русскихъ законовъ, которымъ не одно греческое духовенство отличается) монастырскимъ повѣреннымъ“ [14]). Подъ вліяніемъ измѣнившихся взглядовъ теперь, когда синаиты снова начали хлопотать о передачѣ имъ изъ Государственнаго банка вышеупомянутаго билета въ 30 тысячъ, — графъ Игнатьевъ, имѣя въ виду и прежніе запросы синаитовъ, писалъ уже арх. Антонину слѣдующее: „Ваши синаиты хотятъ загрести въ свои руки 30 тысячъ рублей запаснаго капитала, хранившагося на черный день въ нашемъ банкѣ. Впередъ знаю, что эти деньги исчезнутъ безслѣдно и безполезно въ карманахъ монашескихъ, но, во *вниманіе къ вашему участію*, написалъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ объ этомъ ходатайствѣ, прося справиться въ имѣющемся въ Азіатскомъ Департаментѣ архивѣ, какое предназначеніе имѣла первоначально эта сумма и можетъ ли ею монастырь распоряжаться по произволу Жду отвѣта, и тогда увидимъ, что можно сдѣлать для осуществленія желанія синаитовъ. Преосвященный Кириллъ, во время своего управленія, *три раза* пытался получить въ свои руки этотъ капиталъ, и я *воспротивился сему похищенію*. Первыя двѣ попытки были поддержаны княземъ Лобановымъ и Новиковымъ. Я далъ отпоръ въ качествѣ директора Азіатскаго Департамента. Въ третій разъ я отказалъ наотрѣзъ, будучи уже въ Константинополѣ, въ силу предшествовавшихъ отказовъ и не поддавшись ни на какое предстательство многочисленныхъ пріятелей Кирилла. *Пусть синаиты спасибо мнѣ скажутъ, что я сберегъ имъ ихъ капиталецъ*. Извѣстный случай показываетъ, до какой степени бываетъ полезно противиться стремленію монастырскому захватить и истратить побольше денегъ. Не правда ли?..

„Кстати о синаитахъ Вамъ, конечно, извѣстно, что они принимаютъ участіе въ управленіи каирскимъ Амбедскимъ (Амбетьевскимъ) православнымъ училищемъ. Намѣстника митрополита (архіепископа?) (арх. Серафима) эфорія отка-

[14]) Письмо графа Игнатьева къ арх Антонину отъ 4/16 марта 1870 г
[15]) Тоже отъ 27 дек 1870 г.

зывается признать своимъ членомъ, а Кириллу некого назначить, кромѣ оставленнаго имъ архимандрита. Предлагаютъ мнѣ подчинить эту школу подобно всѣмъ остальнымъ, въ Египтѣ находящимся, патріарху александрійскому, ибо Синайской обители не управиться съ эфоріею. Сообщите мнѣ ваше мнѣніе личное. Школа идетъ не удачно и не соотвѣтственно средствамъ, предоставленнымъ въ ея распоряженіе, и на насъ, къ сожалѣнію, лежитъ нравственная отвѣтственность за ея преуспѣяніе, такъ какъ отъ синаитовъ толку мало и имъ заниматься школою не съ руки, то казалось бы раціональнѣе передать это учебное учрежденіе мѣстному патріарху“ [15]). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что о. архимандритъ Антонинъ, горячо поддерживавшій архіепископа Каллистрата и синайскую братію, далъ отвѣтъ по заданному вопросу въ желательномъ для посла смыслѣ. За это краснорѣчиво намъ говорятъ и то, что Амбетьевская школа въ Каирѣ во главѣ эфоріи и доселѣ считаетъ синайскаго архіепископа или его уполномоченнаго, и то, что эта, къ слову сказать, прекрасно ведущая свое дѣло школа, и на нашихъ глазахъ все еще продолжаетъ служить яблокомъ раздора между нынѣшнимъ александрійскимъ патріархомъ (Фотіемъ Пероглу) и синайскимъ архіепископомъ (Порфиріемъ Логовѣтомъ).

Съ перемѣною взгляда графа Игнатьева измѣнилось его и отношеніе къ спору синаитовъ съ Кирилломъ, бывшимъ архіепископомъ. „Повѣренные Синайской обители, на простины, писалъ графъ Игнатьевъ къ арх. Антонину, удостовѣрились, видно, въ невозможности ни вступить вполнѣ во владѣніе, ни устроить свои хозяйственныя дѣла безъ предварительнаго полюбовнаго соглашенія съ преосвященнымъ Кирилломъ (*что я—человѣкъ военный—совѣтовалъ, вопреки мнѣнію воинствующихъ монашествующихъ, предпочитающихъ войну, ссору, тяжбы, суды и громадныя волненія мирному исходу*). Повѣренные оффиціально заявили мнѣ, что осмотръ имѣній и дѣлъ убѣдилъ ихъ, что, если бы мы не наложили (столько порицавшійся) секвестръ на имѣніе и не сохранили бы до сего времени,—то щепокъ бы не нашли изъ монастырскаго имущества и лишились бы совершенно доходовъ, тогда какъ *теперь обитель можетъ получить все въ сохранности.* Жалѣютъ лишь объ одномъ (и это справедливо), что мы слишкомъ поздно спохватились и наложили секвестръ, такъ что

арендаторы и родственники Кирилла успѣли кое-что обчистить. *По просьбѣ повѣренныхъ обители, мы сняли сначала запрещеніе съ нѣкоторыхъ изъ имѣній, оставивъ на главномъ, а теперь, когда документы, бывшіе въ рукахъ Кирилла, выданы повѣреннымъ и имущество недвижимое ограждено, снято запрещеніе со всѣхъ имѣній.* Между повѣренными и Кирилломъ заключена какая-то сдѣлка [47]), въ силу которой обитель уплачиваетъ своему бывшему пастырю какую-то сумму, а тотъ возвращаетъ какіе-то документы, отказываясь отъ всякой претензіи. Однимъ словомъ, кончили тѣмъ, безъ нашего вмѣшательства, чѣмъ должны были бы (люди благоразумные) начать“ [48]).

Чѣмъ же объясняется эта двойственность взгляда Н. П. Игнатьева на синайское дѣло? Отвѣтъ на это даетъ случайно примѣшавшійся сюда вопросъ—о синайскомъ кодексѣ Библіи V вѣка, похищенномъ ученымъ Тишендорфомъ и въ концѣ-концевъ, когда фактъ хищенія обнаружился, поднесенномъ въ даръ Государю Императору Александру II. „Не устроите ли вы намъ другое дѣльце, спрашивалъ арх. Антонина графъ Игнатьевъ, переписываясь съ нимъ по дѣлу синайскому, нуждающееся въ вашихъ дипломатическихъ способностяхъ и знаніяхъ, обнаруженныхъ прежде? Другими словами—не пособите ли вы мнѣ покончить *исторію о похищенной нами Синайской Библіи* Поручаю Кумани (у меня столько посѣтителей сегодня, что не досугъ вамъ писать) сообщить вамъ подробности о нынѣшнемъ положеніи вопроса. *Желательно получить актъ Синайской обители, удостовѣряющій, что драгоцѣнная рукопись поднесена ею Государю Императору* (въ собственность), взамѣнъ чего мы могли бы дать три или четыре ордена какихъ угодно степеней, да пожалуй *тысячъ 10, 12 рублей* въ придачу. Разумѣется, чѣмъ меньше, тѣмъ лучше и тѣмъ вамъ благодарнѣе будемъ. Подготовьте почву въ Іерусалимѣ, не оглашая слишкомъ и въ особенности не раздражая корыстолюбія монашескаго, и

[47]) Архіепископъ Кириллъ возвратилъ данное ему въ декабрѣ 1865 г. право на пожизненное пользованіе доходами съ трехъ бессарабскихъ имѣній, но безъ доходовъ до 23 апрѣля 1870 г., а также всѣ вещи монастырскія и рукопись, взятую арх Германомъ для напечатанія, за что монастырь ему выплачиваетъ 3 тысячи турецкихъ лиръ въ два срока и долги его, принятые монастыремъ въ декабрѣ 1865 г (А Вороновъ Синайское дѣло Труды Кіев дух акад 1872 г, III, стр 664—665. [48]) Письмо графа Игнатьева къ о Антонину отъ $^{10}/_{22}$ іюня 1870 г

главное — скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе. *Можетъ быть объщаніемъ признать новаго архіепископа синайскаго* (того, котораго вы посвятили *беззаконно* (sic!!) съ патріархомъ 30 августа) и устройства сношеній между Іерусалимомъ и нашимъ Св. Синодомъ, *можно бы отдѣлаться дешево*, т. е. одними орденами, которые были бы переданы старому архіепископу (sic!!), новому—его наслѣднику, библіотекарю и самому вліятельному (буйному) монаху обители (очевидно, арх. Неофиту). Такъ ли"? [49]).

„Дипломатическое посредничество въ дѣлѣ Синайской Библіи" арх. Антонина вызвало „искреннюю признательность" со стороны графа Игнатьева, у котораго созрѣла счастливая мысль, воспользовавшись замѣшательствами въ Синайской обители, для разрѣшенія этого вопроса, „дешево" пріобрѣсти въ русскую собственность драгоцѣнный кодексъ Библіи V вѣка. „За разъясненіе вопроса о Синайской Библіи и за переговоры ваши по этому предмету съ Каллистратомъ и съ патріархомъ *большое спасибо* вамъ, о. архимандритъ, писалъ графъ Игнатьевъ, *не только отъ меня, но и отъ всего русскаго ученаго міра*, очень интересующагося исходомъ недоразумѣній, порожденныхъ нѣмцемъ, желавшимъ еще разъ прокатиться на казенный счетъ и подъ русскимъ флагомъ въ Синай и на Аѳонъ. Нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ скорѣе Библія будетъ поднесена въ собственность Государя, и *чѣмъ меньше она стоить будетъ правительству, тѣмъ скорѣе устранятся всѣ препятствія для разрѣшенія всѣхъ синайскихъ затрудненій*. Сознаюсь вамъ откровенно (и совершенно довѣрительно), что одно теперь смущаетъ меня: я вамъ сообщилъ, что мы готовы пожертвовать извѣстную сумму, и вы въ своихъ бесѣдахъ не вышли изъ предѣловъ, мною назначенныхъ. Но между тѣмъ Лексъ, отправившійся съ отцомъ, сказалъ и здѣсь, и въ Петербургѣ, что синайская братія (опъ ссылается на Каирское подворье) готова *„пожертвовать Библію даромъ*, тѣмъ болѣе, что она уже и считается на Синаѣ русскою (александровскою) собственностью", *лишь бы признали Каллистрата и дозволили бы обители получить секвестрованныя нами въ Египтѣ деньги* (*съ бессарабскихъ доходовъ пожертвованій и проч.*) Эта операція (т. е. уплата Библіи нашимъ согласіемъ на низложеніе Кирилла и пожертвованіемъ денегъ, намъ не принадлежащихъ), чрезвы-

[49]) Письмо графа Игнатьева къ арх Антонину отъ 8 мая 1868 г

чайно понравилась въ Петербургѣ, въ особенности канцлеру. Ему теперь жалко давать *наши* деньги, когда можно получить Библію *даромъ*, и онъ меня обвиняетъ въ напрасной расточительности. Какъ полагаете вы? *Пока я* отвѣчалъ, что нахожу приличнѣе дать какую либо сумму *намъ* принадлежащихъ денегъ, хотя бы и скудную для того, чтобы можно было сказать, что мы купили, а не стянули Библію. Но во всякомъ случаѣ, такъ какъ въ Петербургѣ уже запала въ головы надежда получить Библію *даромъ* и подарить лишь ордена, то я считаю необходимымъ *сулить меньше денегъ, нежели предполагалъ первоначально.* Чтобы не выходить, однакожъ, изъ суммы, вамъ указанной (отъ 5 до 8 тысячъ рублей), можно дать, мнѣ кажется, *шесть тысячъ рублей*, что составитъ на звонкую монету пять тысячъ и около 400 рублей. Такъ ли? Предвижу дать сверхъ того 2 тысячи для Ѳаворскаго монастыря, но не знаю, согласятся ли. Постараюсь. Во всемъ остальномъ поступлю согласно вашимъ указаніямъ (письмо отъ 25 мая). Жду вашихъ окончательныхъ (положительныхъ, а не только насмѣшливыхъ) заключеній для немедленнаго представленія и объ орденахъ и объ остальномъ“ [50]).

Желаніе русскаго правительства пріобрѣсти Библію дешево или даромъ—за одни ордена и за *чужія* деньги, секвестрованныя у монастыря, возымѣло полную свою силу. „У меня, писалъ графъ Игнатьевъ, уже находятся ордена (между нами сказано) и проч. для Синайской обители, но такъ какъ документа окончательно нѣтъ у меня въ рукахъ, то я добро изъ рукъ не выпускаю. Я люблю „къ стѣнкѣ припирать“, ибо иначе ничего не выжмешь изъ упорныхъ“ [51]). „Что же вы меня не похвалите за мое стараніе умиротворить Синайскую Гору и вамъ угодить“? [52]). „Довольны ли вы, наконецъ, мною, писалъ графъ Игнатьевъ арх. Антонину, пожалованіемъ орденовъ и денегъ Синайской обители (2 тыс. рублей даны, согласно вашему указанію, Ѳаворскому монастырю)? Слѣдовало бы еще придержать немного, ибо не совсѣмъ исполнили, какъ слѣдовало, но *во вниманіе единственно къ вамъ раскошелился*“ [53]) Такимъ образомъ графъ Игнатьевъ утишилъ Синайскую бурю безъ особенныхъ съ своей стороны усилій и пріобрѣлъ высокой на-

[50]) Тоже отъ 18—30 іюня 1868 г [51]) Тоже отъ 14 марта 1869 г [52]) Тоже отъ 12 сентября 1669 г. [53]) Тоже отъ 7 января 1870 г

учной цѣнности древнѣйшій кодексъ Библіи, если *не даромъ*, то во всякомъ случаѣ за весьма снисходительную денежную сумму, скрашенную русскими орденами.

Не прошли мимо рукъ графа Игнатьева церковныя дѣла патріархатовъ александрійскаго и константинопольскаго.

Александрійское дѣло возникло въ 1866 году, въ силу назначенія *александрійскимъ патріархомъ* Никаноромъ, „умственно и физически больнымъ“, епископа Мелетія своимъ главнымъ викаріемъ во всемъ Египтѣ. Этимъ назначеніемъ остались крайне недовольны епископы пендапольскій и даміетскій и отказались подчиниться распоряженію своего законнаго патріарха. Вселенскій патріархъ для улаженія недоразумѣній отправилъ, въ качествѣ намѣстника и мѣстоблюстителя александрійскаго патріаршаго престола, архіепископа Евгенія, котораго, въ свою очередь, отказался признать въ этомъ званіи больной александрійскій патріархъ Никаноръ. Послѣдній, съ согласія патріарховъ антіохійскаго и іерусалимскаго, лишивъ сана арх. Евгенія, избралъ намѣстникомъ своимъ архіепископа Нила. Такъ началось дѣло о безпорядкахъ въ александрійской церкви, долго волновавшее весь православный Востокъ и приковавшее къ себѣ вниманіе и покойнаго графа Игнатьева, которому въ концѣ-концовъ, дѣйствительно, и удалось отыскать счастливый выходъ изъ него. „Не можемъ мы, жаловался графъ Игнатьевъ арх. Антонину, привести въ порядокъ дѣло александрійской патріархіи. Возились съ больнымъ патріархомъ, потомъ съ ловкимъ Евгеніемъ, теперь съ бойкимъ Ниломъ. Бѣда да и только! Съ людьми, въ черную рясу облеченными, гораздо больше хлопотъ, нежели съ нашимъ братомъ“ [54]). „Неурядица во всей восточной церкви, восклицаетъ графъ Игнатьевъ, ужасающая! Нилъ, несмотря на свое пронырство, не умѣлъ обдѣлать дѣлишки въ Египтѣ, *и приходится согласиться на его удаленіе*. Бѣда да и только съ александрійскимъ престоломъ, сдѣлавшимся игралищемъ страстей нѣсколькихъ торговцевъ[55])“. „Что за неустройство въ александрійской церкви! возмущается графъ Игнатьевъ въ другомъ письмѣ. Какъ тутъ быть, чтобы умиротворить? Нилъ всѣхъ поставилъ противъ себя и *можетъ держаться моею* помощію, а выдержать добровольно не хочетъ, расчитывая на содѣйствіе

[54]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ 14 марта 1869 г.
[55]) Тоже отъ 12 сент. 1869 г

нравственное іерусалимскаго и антіохійскаго патріарха. Вы не можете себѣ представить, до чего дошло взаимное озлобленіе партій (негоціанты, доктора, люди образованные и порядочные, противъ Нила единодушно; за него нѣсколько адвокатовъ (кажется четыре) и самый низшій грубый классъ народа). Мѣстные выборы невозможны, ибо дѣло дойдетъ до рѣзни. *Я уговаривалъ православныя египетскія общины* предоставить 3 мѣсяца патріархамъ войти между собою въ соглашеніе по этому,—на этотъ разъ предоставивъ имъ и выборъ будущаго патріарха, помимо Евгенія и Нила, имѣющихъ каждый свою небольшую партію, взаимно враждующую. Что мыслитъ блаженнѣйшій Кириллъ? Надо найти какой нибудь исходъ безобразному положенію александрійскаго патріархата, сдѣлавшагося игралищемъ страстей, посмѣшищемъ иновѣрцевъ и позоромъ православія“ [56]).

Для ускоренія рѣшенія этого запутаннаго вопроса и чтобы личнымъ своимъ авторитетомъ повліять на православную египетскую общину, графъ Н. П. Игнатьевъ предпринималъ парочитое путешествіе въ Египетъ, откуда, за „спѣшностью“, въ силу „нездоровья жены“, былъ вызванъ въ Константинополь, совершивъ путешествіе въ 3½ сутокъ. Здѣсь въ Константинополѣ рѣшено было, оставивъ претендентовъ на александрійскій престолъ въ покоѣ, предложить этотъ престолъ нейтральному человѣку—бывшему вселенскому патріарху Софронію III (1863—1866). „Что скажете вы, писалъ къ арх. Антонину графъ Игнатьевъ, касательно предполагаемаго отправленія Софронія въ Александрію на мѣсто Никанора и Нила, *для умиротворенія* страстей и т. п.?“ [57]). Какъ извѣстно, это предположеніе осуществилось, съ благословенія восточныхъ патріарховъ. Блаженнѣйшій Софроній въ 1870 г. занялъ престолъ евангелиста Марка, утишилъ волненія въ александрійской церкви и мирно правилъ ея кораблемъ около 25 лѣтъ, скончавшись въ 1899 году на престолѣ въ глубокой маститой старости, окруженный всеобщимъ почтеніемъ и любовію.

Низложеніе константинопольскаго патріарха Анѳима VI (1845—1848, 1853—1855, 1871—1873) и возведеніе на его мѣсто Іоакима II (1860—1863, 1873—1878) графъ Игнатьевъ считалъ своимъ дѣломъ. „По секрету могу вамъ сообщить, писалъ графъ Игнатьевъ арх. Антонину, что на ѳоминой бу-

[56]) Тоже отъ 7 января 1870 г. [57]) Тоже отъ 10/22 іюня 1870 г.

детъ по всей вѣроятности смѣненъ Анѳимъ и Іоакимъ возведется на патріаршій престолъ“ [58]) „Св. Анѳиму *надломили мы шею*, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ о. Антонину, но хитростью держится еще на ниточкѣ. Авось на этихъ дняхъ покончимъ“ [59]). Въ октябрѣ мѣсяцѣ ожидаемое низложеніе состоялось, хотя дѣла патріархіи и не пошли отъ того лучше. Излюбленный имъ болгарскій вопросъ все же разрѣшенъ былъ преемникомъ патріарха Анѳима вопреки ожиданіямъ покойнаго Николая Павловича.

Такъ называемый мурликійскій вопросъ нашелъ въ графѣ Игнатьевѣ горячаго поборника. Этимъ вопросомъ онъ интересовался почти до самой своей кончины. Въ 1850 г. посѣтилъ Муры Ликійскія извѣстный русскій паломникъ и духовный писатель А. Н. Муравьевъ. Заставъ здѣсь, на мѣстѣ обители новаго Сіона, построенной дядею св. Николая и послужившей сему, весьма чтимому у насъ на Руси святителю, не только соборнымъ храмомъ, но и усыпальницею до перенесенія его честныхъ мощей въ Баръ-градъ въ 1087 году,—лишь однѣ величественныя руины, свидѣтельствовавшія о монументальности нѣкогда бывшаго на этомъ мѣстѣ храма, и невзрачный полутемный храмъ—часовню, съ низкою четыреугольною гробницею святителя, обложенною по краямъ мраморомъ, но уже значительно поврежденною латинянами, хищниками мощей св. Николая, А. Н. Муравьевъ проникся чувствомъ невыразимой скорби. По возвращеніи въ Россію, черезъ митрополита московскаго Филарета онъ добился разрѣшенія Св. Синода сдѣлать по всей Россіи сборъ пожертвованій на возстановленіе базилики въ Мурахъ Ликійскихъ. Собранныя деньги, при помощи нашего вице-консула въ Родосѣ г. Дуцци и жителя ближайшаго къ Мурамъ Ликійскимъ мѣстечка Кастель-Россо Антона-аги, употреблены были на пріобрѣтеніе участка земли, на которомъ стояла древняя базилика св. Николая [60]). Покупка участка и прилегающихъ къ нему земель состоялась легко. Приступлено было и къ реставраціи древней базилики, но, къ сожалѣнію, за дѣло принялись люди мало опытные и непонимавшіе цѣнности памятника и необходимости бережно щадить почтенныя его руины. Таковъ былъ главный мастеръ мѣстечка Кастель-Россо г. Карнава.

[58]) Тоже отъ 30 марта 1873 г. [59]) Тоже отъ 1 Іюля 1873 г. [60]) Открытіе и возобновленіе древней базилики св. Николая въ Мурѣ Ликійской стр 14—15 Спб 1861 г

Крымская русско-турецкая война прекратила начатыя въ Мурахъ Ликійскихъ, сооруженія которыя возобновлены были только уже въ 1858 г. Къ счастію для дѣла, случайно въ это время очутился въ Мурахъ Ликійскихъ французскій архитекторъ и археологъ *Зальцманъ*, проживавшій въ Константинополѣ, который, заинтересовавшись древнею базиликою, прожилъ здѣсь нѣсколько времени (съ октября 1858 г. по май 1860 г.), произвелъ научныя систематическія раскопки и составилъ грандіозный планъ реставраціи этого замѣчательнаго памятника IV в. Но, такъ какъ жители городка требовали скорѣйшаго открытія храма, а недостатокъ денежныхъ средствъ на грандіозныя сооруженія мѣшалъ скорому его окончанію, то рѣшено было ограничиться лишь открытіемъ главнаго нефа и двухъ боковыхъ галлерей, возобновленіемъ стѣнъ и покрытіемъ сводовъ. Когда все это было окончено, то храмъ, по освященіи писидійскимъ митрополитомъ, ввѣренъ былъ греческому духовенству, которое и сдѣлалось такимъ образомъ фактическимъ его хозяиномъ.

Притокъ пожертвованій на Муръ-ликійскій храмъ, однакоже, не ослабѣвалъ и послѣ этого. Планъ Зальцмана хотя и не осуществился, но интересъ къ задуманному предпріятію продолжалъ жить по крайней мѣрѣ въ его иниціаторѣ А. Н. Муравьевѣ. Поэтому, когда посломъ въ Константинополѣ очутился покойный Н. П. графъ Игнатьевъ, то А. Н. Муравьевъ рѣшился привести мурликійскій вопросъ въ ясность, и прежде всего утвердить право владѣнія участкомъ земли подъ этимъ русскимъ храмомъ за русскимъ правительствомъ. Такъ какъ графъ Н. П. Игнатьевъ оставался очень долгое время принципіальнымъ противникомъ земельныхъ пріобрѣтеній въ Турціи не только иностранными правительствами, но даже и частными иностранными подданными, то онъ не пожелалъ на себя взять иниціативу этого щекотливаго въ ту пору дѣла. Собственницею Мурликійскаго земельнаго участка неожиданно для себя сдѣлалась теща графа Н. П. Игнатьева свѣтлѣйшая княгиня Анна Матвѣевна Голицына, но уже, однако, послѣ того, какъ турецкое правительство въ 1870 году издало законъ, въ силу котораго частныя лица изъ иностранныхъ подданныхъ могли пріобрѣтать въ предѣлахъ Турціи земельную собственность.

Съ своей стороны графъ Игнатьевъ, чтобы нашъ земельный и весьма цѣнный участокъ въ Мурахъ Ликійскихъ не оста-

вался безпризорнымъ, въ 1868 году рѣшился передать его подъ наблюденіе русскому Пантелеймоновскому монастырю на Аѳонѣ, который выслалъ изъ своей среды въ Мѵры Ликійскія двухъ монаховъ для совершенія богослуженій въ упомянутомъ недостроенномъ храмѣ и для осуществленія проектированнаго архитекторомъ Зальцманомъ грандіознаго храма въ честь св. Николая на развалинахъ древняго храма IV вѣка. Графъ Игнатьевъ въ 1876 году у Св. Синода даже выхлопоталъ для этихъ монаховъ право сдѣлать на этотъ предметъ сборъ пожертвованій по всей Россіи. Сборщики іеромонахъ Аѳанасій и монахъ Варсанофій успѣли собрать 3,605 р., которые они и передали потомъ на храненіе въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ. Начавшаяся русско-турецкая война 1877—1878 годовъ прекратила сборы этихъ аѳонскихъ иноковъ, и сами они, за невозможностію вернуться въ Мѵры Ликійскія, удалились на Аѳонъ въ свою обитель.

По окончаніи этой войны графъ Н. П. Игнатьевъ, какъ извѣстно, болѣе уже не вернулся въ Константинополь къ своему посту, и мѵрликійское дѣло приняло для Россіи оборотъ вполнѣ неблагопріятный. Писидійскій митрополитъ, въ владѣніи котораго находятся Мѵры Ликійскія, и вселенскій патріархъ, которому подчиненъ писидійскій митрополитъ, уже давно помышляли прибрать къ своимъ рукамъ лакомый земельный русскій участокъ въ Мѵрахъ Ликійскихъ, а главное тѣ пожертвованія деньгами, какія шли сюда изъ Россіи на сооруженіе проектированнаго Зальцманомъ храма въ честь св. Николая. Воспользовавшись отсутствіемъ контроля со стороны русскихъ властей во время нашей войны съ Турціею, и тотъ и другой неожиданно для всѣхъ предъявили свои права на этотъ участокъ. Въ тескере отъ 4 августа 1879 года они прямо называютъ и земельный участокъ въ Мѵрахъ Ликійскихъ, и храмъ, сооруженный на немъ, *благочестивымъ даромъ* А. Н. Муравьева въ пользу Восточной церкви. Константинопольское же наше посольство мало интересовалось въ это время даннымъ участкомъ и посмотрѣло на учиненный захватъ сквозь пальцы. Не такъ, однакоже, спокойно относился къ этому дѣлу графъ Н. П. Игнатьевъ, который дорожилъ мѵрликійскимъ участкомъ и потому, что желалъ быть исполнителемъ, насколько, конечно, это было осуществимо, предположеній великаго Государя Николая Павловича, и потому, что мечталъ, по свойству своей рели-

гіозно-настроенной души, создать здѣсь достойный памятникъ въ честь своего чтимаго небеснаго патрона.

„Памятуя мысль покойнаго Государя Николая Павловича, замышлявшаго возобновить храмъ, въ которомъ былъ погребенъ св. Николай чудотворецъ, съ цѣлью войти въ соглашеніе съ итальянскимъ правительствомъ и папою римскимъ *о возвращеніи изъ Бари похищенныхъ изъ Мгры Ликійской нетлѣнныхъ останковъ Св. Угодника*, я, писалъ графъ Игнатьевъ генералъ-лейтенанту М. П. Степанову [61]) всего за 11 дней до своей кончины, въ бытность мою посломъ въ Константинополѣ пріобрѣлъ землю подъ древнимъ соборомъ отъ частныхъ людей, турокъ, и записалъ эту мѣстность, во избѣжаніе политическихъ недоразумѣній и обвиненій, на русское правительство—на имя тещи моей княгини Анны Матвѣевны Голицыной. Но когда я оставилъ дипломатическое поприще, то, опасаясь, что наше посольство не охранитъ русской собственности,—по рутинѣ и свойственному нашимъ дипломатамъ опасенію впасть въ затрудненія и хлопоты,—я обратился къ покойному Великому Князю (Сергію Александровичу) и предложилъ ему, какъ предсѣдателю Палестинскаго Общества, принять въ даръ отъ моей тещи права на мѣстность Мyры Ликійской и развалины храма (вмѣстѣ съ каменною гробницею, саркофагомъ, изъ котораго были извлечены св. останки Чудотворца). При этомъ я указалъ Великому Князю, что многіе паломники наши (какъ я лично имѣлъ случай удостовѣриться, при посѣщеніи моемъ въ 1857 г. этой мѣстности), по пути въ Іерусалимъ, посѣщаютъ историческое мѣстопребываніе собора Чудотворца. До 70-хъ годовъ тамъ пріютились два греческіе монаха, служившіе панихиды и молитвословія, по просьбѣ русскихъ паломниковъ. Великій Князь оцѣнилъ мысль передать Палестинскому Обществу заботу о поддержаніи и со временемъ возобновленіи древняго храма. Документально права тещи моей княгини Анны Матвѣевны были переданы Августѣйшему Предсѣдателю Палестинскаго Общества. Раза два мнѣ пришлось говорить съ покойнымъ Великимъ Княземъ, повѣдавшимъ мнѣ, что наши дипломаты возбуждали разныя препятствія, (если не ошибаюсь, вице-консулъ Юговичъ долженъ былъ

[61]) Товарищъ Августѣйшаго Предсѣдателя въ Императорскомъ Православномъ Палестинскомъ Обществѣ и состоящій при Ея Императорскомъ Высочествѣ великой княгинѣ Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ.

заняться на мѣстѣ огражденіемъ нашихъ интересовъ, но плохо исполнялъ свою обязанность). Съ тѣхъ поръ до меня доходили различные слухи, но я положительно не знаю—осуществилась-ли мысль воздѣйствія Палестинскаго Общества. Аѳонцы обращались ко мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предлагая учредить тамъ подворье и послать на жительство нѣсколькихъ монаховъ русскихъ. Я отвѣтилъ, что дѣло касается Палестинскаго Общества, и что я никакого участія принять не въ правѣ. Обращаюсь къ вамъ, многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, съ покорнѣйшею просьбою—не соблаговолите-ли вы сообщить мнѣ,—въ какомъ положеніи это дѣло въ настоящее время, и что было предпринято покойнымъ Великимъ Княземъ для осуществленія нашей мысли? Премного буду вамъ благодаренъ за то, что *вы успокоете мое душевное треволненіе* выясненіемъ дѣйствительности“ [62]).

Упомянутая въ письмѣ графа Н. П. Игнатьева передача земельнаго участка въ Мурахъ Ликійскихъ отъ имени княгини Голицыной великому князю Сергію Александровичу, какъ предсѣдателю Палестинскаго Общества, состоялась въ 1886 году, а вслѣдъ затѣмъ изъ Ховяйственнаго Управленія былъ переданъ въ Палестинское Общество и капиталъ на сооруженіе Мура-ликійскаго храма въ суммѣ 73,046 р. 32 к., который нынѣ возросъ далеко за 100,000 рублей [63]) и хранится въ конторѣ двора великой княгини Елисаветы Ѳеодоровны. Великій князь Сергій Александровичъ горячо отнесся къ идеѣ объ укрѣпленіи даннаго участка за русскимъ правительствомъ и о сооруженіи на немъ храма по плану Зальцмана и поручилъ веденіе этого дѣла сначала русскому вице-консулу въ Дарданелахъ В. О. Юговичу, а затѣмъ въ 1893 году служившему въ агентствѣ русскаго Общества пароходства и торговли въ Константинополѣ (нынѣ агентъ въ Смирнѣ) Г. П. Беглери. Но оба эти довѣренные, израсходовавшіе, къ слову сказать, не мало средствъ изъ упомянутаго капитала на сооруженіе храма, на столько осложнили и запутали это дѣло по разнымъ причинамъ, что пришлось оставить мысль о правѣ на развалины храма въ Мурахъ Ликійскихъ и лишь предъявить свои права на земельный

[62]) Предсмертное письмо графа Игнатьева къ М. П. Степанову отъ 9 іюня 1908 г. [63]) Наростаніе капитала зависитъ отъ процентовъ и отъ доходовъ Александро-Николаевской часовни храма, устроеннаго въ концѣ 2 улицы Песковъ въ Петербургѣ

участокъ. Но и въ этомъ отношеніи у насъ встрѣтились большія затрудненія со стороны константинопольской патріархіи, которой было крайне нежелательно видѣть этотъ участокъ въ рукахъ русскихъ. Патріархія не безъ умысла навела на мысль турецкое правительство признать русскій участокъ „потерявшимъ своихъ владѣльцевъ, въ виду того, что, со времени своего пріобрѣтенія, онъ не обрабатывался и подлежалъ, согласно существующимъ законамъ о земельной собственности, секвестру и включенъ въ кадастръ на имя правительства", которое къ тому же съ своей стороны признало за нимъ и якобы важное „стратегическое значеніе". Попытка новая заинтересовать этимъ участкомъ наше константинопольское посольство со стороны Палестинскаго Общества была предпринята въ 1894 году, но письмо по этому поводу товарища предсѣдателя генералъ-лейтенанта М. П. Степанова осталось безъ отвѣта со стороны посольства.

О мурликійскомъ *русскомъ* участкѣ нынѣ можно было бы уже и не говорить, такъ какъ наши права на него безспорно утрачены, если бы печальныя событія самаго послѣдняго времени не напомнили намъ о немъ. По частнымъ письмамъ къ намъ агента русскаго Общества пароходства и торговли въ Смирнѣ Г. П. Беглери отъ 6 ноября и 22 декабря 1908 года, „турки напали на тамошній (въ Мурахъ Ликійскихъ) храмъ св. Николая, осквернили множество иконъ и отняли древнюю плиту, на которой были вырѣзаны кресты и годъ основанія храма"[64]). Это весьма прискорбное извѣстіе о судьбѣ храма, связаннаго съ именемъ весьма чтимаго въ Россіи не только православными, но и язычниками святителя Христова Николая, любопытно въ томъ отношеніи, что игуменъ Мура-ликійскаго храма, возставшій за поруганіе чтимой христіанами святыни, въ своемъ горѣ прибѣгъ за помощью къ русскому вице-консулу на Родосѣ, а этотъ послѣдній довелъ до свѣдѣнія русскаго посла въ Константинополѣ. Не есть-ли это молчаливое признаніе за Россіею правъ на земельный участокъ въ Мурѣ Ликійской, и не признаетъ-ли наше константинопольское по-

[64]) Нужно полагать, что здѣсь идетъ рѣчь о мраморной плитѣ надъ нижними южными дверями, имѣвшей на себѣ дату 1730 года и высѣченные кресты (Открытіе и возобновленіе древней базилики св. Николая въ Мурѣ Ликійской, стр 12).

сольство благовременнымъ снова нынѣ поднять вопросъ о законныхъ правахъ на него? Рѣшеніе этого вопроса въ благопріятную сторону для насъ было бы, мы не сомнѣваемся, привѣтствовано съ великою радостью въ Россіи всѣми почитателями святителя Христова Николая, и принесло бы „успокоеніе“ безсмертному духу графа Н. П. Игнатьева, ожидавшему при жизни благопріятнаго разрѣшенія его „съ треволненіемъ“.

Но самою выдающеюся заслугою графа Н. П. Игнатьева на пользу православной церкви вообще и русской въ частности слѣдуетъ признать отправку имъ въ Іерусалимъ арх Антонина Капустина, который, при могущественной поддержкѣ его, за свое слишкомъ 25-лѣтнее пребываніе тамъ успѣлъ оказать русской церкви и своему отечеству громадныя и на всегда незабвенныя услуги. Переведенный изъ Аѳинъ въ Константинополь, по желанію митрополита Филарета[65]), „для пользы церковныхъ дѣлъ“, арх. Антонинъ попалъ въ самый кипучій водоворотъ церковной жизни и, по свойству своего живого отзывчиваго темперамента, окунулся въ него, такъ-сказать, съ головою. Ко времени назначенія посломъ въ Константинополь графа Н. П. Игнатьева, арх. Антонинъ былъ уже весьма компетентнымъ знатокомъ мѣстныхъ церковныхъ дѣлъ и весьма полезнымъ сотрудникомъ для дипломата, volens nolens вынужденнаго стать вершителемъ многихъ церковныхъ дѣлъ. Графъ Н П. Игнатьевъ оцѣнилъ въ арх. Антонинѣ прежде всего его прирожденный дипломатическій тактъ и гибкій проницательный умъ. „Читая письмо ваше, я, признавался однажды Антонину графъ Игнатьевъ, еще болѣе убѣждался въ *дипломатическихъ способностяхъ вашихъ*. Тонкости и недомолки Филаретовскія. Убѣжденъ, что вы со всѣми поладите и всѣхъ, простите за выраженіе, если нужно, около пальчика обведете[66])“. „Неужели со свойственными вамъ краснорѣчіемъ, силою убѣжденія, тихою вкрадчивостью и *несомнѣннымъ дипломатическимъ талантомъ* вы, писалъ ему графъ Игнатьевъ въ другомъ письмѣ, не ухитритесь убѣдить патріарха (Кирилла), при удобномъ случаѣ, положить конецъ несносному и для

[65]) Арх. Савва. Собран мнѣн и отзывов. Филарета, митр. москов. по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ стр. 72 Спб. 1886 г. [66]) Письмо графа Игнатьева къ о Антонину отъ $^{6}/_{18}$ окт 1865 г.

него и для насъ дѣлу, т. е. путемъ заявленія на бумагѣ, что въ дѣлѣ арх. Леонида (Кавелина) у него не было въ помыслѣ оскорбить русскую церковь“[67]). „Подвиги ваши, описанные въ письмѣ отъ 18 декабря, говоритъ графъ Игнатьевъ по поводу перевозки колокола изъ Яффы въ Іерусалимъ, искренно, душевно порадовали меня. Итакъ, звонъ колокольный раздается благополучно въ Іерусалимѣ! Славное дѣло устроили; доказали, что русскимъ все возможно. Надо ожидать, однако же, что и турки и въ особенности латиняне расхлопочатся и выкинутъ какую-нибудь штуку, чтобъ въ накладѣ не остаться. Дай Богъ вамъ дальше и дальше идти по доблестному пути. Чай теперь Валерга (католическій патріархъ) *васъ начинаетъ раскусывать. Даромъ, что тихонькій съ виду, скажетъ онъ, а бѣдовые воинствующаго архимандрита*“[68]). „Разсказъ о Бетджальскомъ происшествіи (Столкновеніе съ католиками изъ-за православнаго араба), признавался Н. П. Игнатьевъ, меня заинтересовалъ, но исходъ предвижу. Противодѣйствіе, вами встрѣченное, не ново. Дѣло можно продолжать съ ними и по-маленьку, но единство нарушать не должно. *Греки и мы—одна церковная семья*, а пожалуй Валерга подмѣтитъ рознь и посмѣется. Мнѣніе ваше о двухъ докторахъ совершенно основательно. *Вижу, что вы даже по дипломатической части (въ чемъ, какъ вамъ извѣстно, я никогда не сомнѣвался) въ соперники Валергѣ годитесь*“[69]).

Кромѣ прирожденнаго дипломатическаго такта и его глубокаго знакомства съ восточными церковными дѣлами въ о. арх. Антонинѣ графъ Игнатьевъ, какъ истово русскій православный человѣкъ, цѣнилъ его высокую религіозную настроенность и его умѣнье мастерски владѣть перомъ. „Благодарю васъ за радушный привѣтъ изъ Святого Града, пишетъ графъ Игнатьевъ послѣ разлуки съ о. арх. Антониномъ. Конечно, *ничто не замѣнитъ мнѣ изустную бесѣду съ вами*, но нѣкоторое утѣшеніе доставитъ мнѣ покрайней мѣрѣ заочный обмѣнъ мыслей“[70]). „Во время поста еще *тяжелѣе чувствуется ваше отсутствіе*, признается Н. П. Игнатьевъ. Стыдно сознаться, *а говоръ не хочется, какъ-то душа не расположена исповѣдываться, просить васъ въ свидѣтели и не*

[67]) Тоже отъ $^{10}/_{22}$ апр 1868 г. [68]) Тоже отъ $^{12}/_{24}$ января 1866 г. [69]) Тоже отъ 21 марта 1866 г. [70]) Тоже отъ $^{6}/_{18}$ дек 1865 г

принимаетъ охотно другого духовнаго отца. Когда-то вернетесь вы къ намъ? Не разъ сѣтовалъ я уже на себя, что поддался мысли уладить разладъ и удалить соблазнъ изъ Іерусалима“[71]). „Мы говѣли на страстной недѣлѣ и я, исповѣдуется откровенно Н. П—чъ, *преодолѣлъ смущеніе, причиненное вашимъ отсутствіемъ*. Своего рода испытаніе!“[72]).

„Мастеръ вы писать, аттестуетъ графъ Н. П. Игнатьевъ арх. Антонина, и ученое, и глубокое, и занимательное и дипломатическое“ [73]). „Благодарю васъ за оффиціальную отписку 4 апрѣля, но еще болѣе за дружественное письмо 8 апрѣля, пишетъ графъ Игнатьевъ. *Мастерское изложеніе первой* пригодится, когда препровожу въ Петербургъ ожидаемый отвѣтъ патріарха (Кирилла). *Вамъ и книги въ руки.* Подѣломъ „знакомый“ (Такъ въ перепискѣ всегда называется митрополитъ московскій Филаретъ) васъ остерегается и боится вамъ давать ходъ, чтобы не перещеголяли“ [74]). „По кончинѣ Филарета у насъ нѣтъ никого, по мнѣнію моему, признавался Н. П—чъ, способнаго составлять и выражать за Св. Синодъ мнѣніе въ различныхъ щекотливыхъ случаяхъ и отвѣты на патріаршія грамоты, обращенія Синода и т. п. Кто же возьмется написать такъ *дипломатически* и такъ *крючковато* (такъ-ли?), но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ православно, какъ вы“ [75]).

Отмѣченныя нами качества ума, сердца и высокой духовной настроенности о. арх. Антонина приблизили его къ графу Н. П. Игнатьеву, который „душевно къ нему привязался“[76]) и „глубоко и искренне любилъ и уважалъ“[77]). Въ отсутствіи о. архимандрита Антонина, когда онъ находился въ Іерусалимѣ, Николай Павловичъ „вздыхалъ по немъ“[78]), „очень часто вспоминалъ и горевалъ объ отсутствіи“ его, „жалѣлъ“, что ему „рѣшительно не съ кѣмъ совѣтываться въ трудныя времена“[79]), даже „горько раскаивался“[80]), что въ своемъ „самопожертвованіи“, „для водворенія мира и тишины во св. Градѣ“[81]), онъ зашелъ такъ далеко, что удалилъ его отъ себя на такое разстояніе. Неудивительно поэтому, что Н. П—чъ

[71]) Тоже отъ 9 марта 1866 г [72]) Тоже отъ $^{3}/_{15}$ мая 1866 г [73]) Тоже отъ 9 мая 1866 г. [74]) Тоже отъ $^{3}/_{15}$ мая 1866 г [75]) Тоже отъ $^{18}/_{30}$ іюня 1868 г. [76]) Тоже отъ 29 дек 1865 г [77]) Тоже отъ $^{12}/_{24}$ января 1866 г. [78]) Тоже отъ $^{3}/_{15}$ мая 1866 г. [79]) Тоже отъ $^{7}/_{19}$ окт. 1866 г. [80]) Тоже отъ 25 іюля 1867 г. [81]) Тоже отъ $^{3}/_{15}$ мая 1866 г.

постоянно жилъ „надеждою“ „пріобрѣсти вновь и возвратить хотя временно“ о. Антонина[82]) въ Константинополь, и это желаніе, по его собственному признанію, „становится эгоизмомъ“[83]). При такихъ чувствахъ къ о. Антонину графъ Н. П. Игнатьевъ, во все время своей политической некратковременной службы на Ближнемъ Востокѣ, дѣлается его „искреннимъ преданнымъ“[84]) другомъ, „по убѣжденію и влеченію сердца“ [85]), и даже „адвокатомъ“ предъ высшимъ духовнымъ начальствомъ и Азіатскимъ Департаментомъ, въ виду его почти непрерывныхъ шероховатостей въ сношеніяхъ съ іерусалимскимъ консульствомъ. „Еще въ послѣдній пріѣздъ мой въ Петербургъ *бранился я* изъ-за васъ, писалъ о. Антонину графъ Игнатьевъ, въ Азіатскомъ Департаментѣ, *обвиняющимъ меня въ постоянномъ потворствѣ вамъ—въ желаніи унизить консульское достоинство.* Грѣхъ вамъ въ чемъ-нибудь на меня сѣтовать и смѣшивать петербургскія воззрѣнія съ моими“ [86]) Даже „сварливое расположеніе духа“ [87]), которое часто посѣщало о. Антонина въ его службѣ во св. Градѣ, нисколько не нарушало добрыхъ отношеній Н. П. Игнатьева къ нему, и послѣдній продолжалъ „любить его по старому“ [88]).

Сердечныя дружественныя чувства къ о. Антонину не мѣшали графу Н. П. Игнатьеву высказывать неоднократно свои неодобренія его дѣйствіямъ и поступкамъ, которые расходились съ его личными воззрѣніями и убѣжденіями. Въ тяжелыя минуты жизни о. арх. Антонина графъ Н. П. Игнатьевъ спѣшитъ воодушевить его, разсѣять присущій ему мрачный скептическій взглядъ на волнующій его вопросъ и влить духъ бодрости для спокойнаго и плодотворнаго труда на благо св. церкви и отечества, а при случаѣ и отечески пожурить его. „Если нашъ братъ свѣтскій дѣятель, борющійся съ всевозможными препятствіями и неудачами, не охладѣваетъ къ дѣлу и не падаетъ духомъ, писалъ графъ Игнатьевъ къ о. Антонину по поводу его нежеланія составлять проектъ русскаго монастыря въ Іерусалимѣ и убѣждать патріарха Кирилла послать примирительную грамоту нашему Св. Синоду, то какъ же не стыдно вамъ, пастырю и духовному рато-

[82]) Тоже отъ $^{17}/_{29}$ янв. 1867 г [83]) Тожо отъ $^{10}/_{22}$ іюня 1770 г [84]) Тоже отъ 14 марта 1869 г.; отъ 12 сент. 1869 г.; 7 янв. 1870; $^{4}/_{16}$ марта 1870 и т. д [85]) Тоже отъ $^{10}/_{22}$ апр. 1868 г. [86]) Письмо къ о Антонину отъ 12 сент. 1869 г [87]) Тоже отъ $^{18}/_{30}$ дек 1875 г. [88]) Отъ $^{4}/_{16}$ марта 1870 г.

борцу впадать въ апатію, въ индеферентизмъ и не дѣлать возможнаго для содѣйствія къ достиженію общей нашей пользы. Стыдно и не хорошо, о. архимандритъ, и отъ васъ я этого не ожидалъ!“ [89]). „Бодрствуйте въ Іерусалимѣ, дѣлайте свое дѣло съ разсчетомъ и тактомъ, а *за нами дѣло не станетъ*. Если *средствъ* у васъ нѣтъ—прискорбно, говоритъ графъ Игнатьевъ по поводу земельныхъ пріобрѣтеній о. Антонина въ Палестинѣ, но могу сказать, что и мнѣ ихъ не даютъ, что не мѣшаетъ мнѣ, однако же, постоянно бороться, не разсчитывая ни на чью помощь, ибо *у насъ на сѣверѣ желаютъ лишь спокойствія и отсутствія дѣлъ на Востокѣ*“ [90]).

Едва ли и слѣдуетъ прибавлять, что этими благожелательными и дружественными чувствами всесильнаго нашего посла въ Константинополѣ графа Н. П. Игнатьева къ себѣ о. архимандритъ Анонинъ весьма дорожилъ и использовалъ ихъ для успѣха русскаго дѣла на православномъ Востокѣ за все время своего служенія на Востокѣ не только съ благодарностію, но и съ великою пользою. Дѣйствительные благіе результаты этихъ чувствъ сказались лишь послѣ блаженной кончины о. арх. Антонина.

Въ должности начальника русской Духовной Миссіи въ Іерусалимѣ арх. Антонинъ, какъ извѣстно, очутился неожиданно для самого себя. Когда «неустройства въ іерусалимской Духовной Миссіи» и отношенія бывшаго третьяго начальника ея архимандрита Леонида Кавелина къ іерусалимскому патріарху Кириллу II приняли крайне обостренный характеръ, то графъ Н. П. Игнатьевъ предложилъ Святѣйшему Синоду, для умиротворенія дѣлъ въ Іерусалимѣ и для производства слѣдствія въ Духовной Миссіи, отправить о. архимандрита Антонина, находившагося въ это время въ своемъ научномъ путешествіи по Румеліи и Ѳессаліи. Святѣйшій Синодъ, или вѣрнѣе московскій митрополитъ Филаретъ, всецѣло стоявшій на сторонѣ архимандрита Леонида, неохотно согласился имѣть въ роли «посредника и примирителя“ о. Антонина, такъ какъ, по нѣкоторымъ причинамъ, сомнѣвался, чтобы послѣдній, „дѣйствуя скромно и мирно, рѣшился сказать нѣкоторыя твердыя слова патріарху, чтобы разрѣшить его предубѣжденія противъ архимандрита Лео-

[89]) Тоже отъ $^{18}/_{30}$ іюня 1868 г. [90]) Тоже отъ $^{4}/_{16}$ марта 1870 г

нида и консулу, чтобы изъяснить ему неправильность принятія доносовъ, переданныхъ отъ него, и слѣдствія"[91]). Тѣмъ не менѣе, уступая желаніямъ константинопольскаго посла графа Игнатьева, съ одной стороны, а съ другой, признавая въ архимандритѣ Антонинѣ, «служащемъ съ признаками достоинства и съ надеждою болѣе значительнаго и болѣе полезнаго служенія, несомнѣнныя достоинства», митрополитъ Филаретъ согласился дать ему это щекотливое порученіе, т. е. производство слѣдствія въ іерусалимской Миссіи, а потомъ и допустилъ его даже «принять Миссію и управлять ею, извлекая изъ несчастнаго опыта предшественника правила осторожности»[92]).

«Вы, конечно, помните переписку мою съ Петербургомъ, которую я, писалъ графъ Игнатьевъ по поводу этой командировки архимандрита Антонина, вамъ показывалъ прошлою весною, когда рѣчь зашла о вашей поѣздкѣ въ Іерусалимъ. Въ половинѣ мая для предупрежденія столкновенія между Святѣйшимъ Синодомъ и патріархомъ и непріятной между ними переписки касательно происшедшаго въ Іерусалимской Миссіи, а главное—запрещенія, наложеннаго на о. Леонида, выставлявшаго въ донесеніяхъ своихъ поступокъ этотъ, какъ *обдуманное оскорбленіе русскои церкви*,—я предлагалъ въ частномъ письмѣ поручить мнѣ, по возвращеніи патріарха въ Константинополь, объясниться съ нимъ лично и довѣрительно, а въ слѣдъ затѣмъ упомянуть, что съ вами могли бы быть поручены личные переговоры съ патріархомъ, при продолженіи ссоры съ о. Леонидомъ. *Мнѣ ничего на это не отвѣчали.* Вскорѣ объяснилось, что патріархъ не налагалъ общаго церковнаго запрещенія на о. Леонида, а не позволилъ только нѣкоторое время служить на святыхъ мѣстахъ, и что о. архимандритъ продолжаетъ священнодѣйствовать въ нашей русской церкви. Патріархъ прислалъ даже ему діякона для благолѣпія служенія. Я, конечно, болѣе не возвращался къ этому, чисто церковному, или, скорѣе сказать, личному вопросу. Вы, вѣроятно, убѣждены столько же, сколько и я, что патріархъ и въ мысли не имѣлъ оскорбить русскую церковь—силу и крѣпость православія.

[91]) Архіепископъ Савва. Собран мнѣн. и отзыв м Филарета по дѣламъ прав Востока стр. 456 [92]) Тамъ же стр 441.

„Къ концу лѣта получена была отвѣтная грамота Святѣйшаго Синода, и дѣло приняло другой оборотъ. Наконецъ, Святѣйшій Синодъ командировалъ васъ въ Іерусалимъ, снабдивъ письменною инструкціею (указомъ). Я думалъ, что дѣло кончено, улажено, и со дня на день ждалъ только рѣшенія касательно будущаго устройства іерусалимской Миссіи. Теперь снова поднимается вопросъ, потому что оберъ-прокуроръ начинаетъ дѣло, законченное между патріархомъ и Святѣйшимъ Синодомъ. До окончательнаго разъясненія легкомысленнаго поступка патріарха касательно о. Леонида и опредѣленія будущихъ отношеній Его Блаженства къ русской Духовной Миссіи, г. оберъ-прокуроръ считаетъ невозможнымъ рѣшить представленное намъ дѣло миролюбиво и предполагаетъ, что Святѣйшій Синодъ, «приступитъ къ окончательнымъ распоряженіямъ въ сношеніяхъ своихъ съ патріархомъ іерусалимскимъ», если дѣло о запрещеніи не будетъ окончено сообразно съ достоинствомъ русской церкви»[93]).

Вскорѣ, однако же, сдѣлалось извѣстнымъ, что этою командировкою о. Антонина въ Синодѣ недовольны. «Дошло до моего свѣдѣнія, писалъ совершенно довѣрительно (въ томъ же письмѣ) къ о. Антонину графъ Игнатьевъ, что на меня негодуютъ Святѣйшій Синодъ и г. оберъ-прокуроръ, что, при отъѣздѣ вашемъ изъ Константинополя, я не далъ вамъ формальнаго порученія требовать удовлетворенія (какъ при дуеляхъ мірскихъ—прости, Господи!) отъ патріарха русской церкви, оскорбленной въ лицѣ своего представителя о. Леонида. Вами также недовольны за то, что вы сами не догадались переговорить о томъ съ патріархомъ и не придумали никакого удовлетворенія или рѣшенія (канцелярскимъ языкомъ—недостаточно одной бумаги, чтобы создать дѣло въ архивѣ). Упрекаютъ васъ въ томъ, что въ длинномъ донесеніи вы ничего не сказали Святѣйшему Синоду о столкновеніи, происшедшемъ между патріархомъ и о. Леонидомъ, о запрещеніи служить на святыхъ мѣстахъ и о вашихъ объясненіяхъ патріарху, объ его отзывѣ касательно щекотливаго обстоятельства и проч. Не помню, было ли упомянуто о томъ въ вашемъ *прекрасномъ и замысловатомъ донесеніи*— вамъ лучше знать; если нѣтъ, то жаль, дѣйствительно. Вы

[93]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ 9 марта 1866 г.

отлично разъяснили бы недоразумѣніе, придумали бы на все объясненіе, успокоили бы взволнованныя низости (видно въ духовномъ вѣдомствѣ ихъ больше, нежели въ нашемъ: такъ и лезутъ въ драку) и предупредили бы тѣмъ столкновеніе, легкомысленно вызываемое. Умиротвореніе въ настоящемъ случаѣ—особая заслуга предъ православной церковью. Соблазнъ будетъ большой, если дать ссорѣ личной между патріархомъ и о. Леонидомъ разростись до разрыва между Синодомъ и патріархомъ. Чтобы пособить бѣдѣ—пока есть еще возможность,—не признаете ли вы возможнымъ, въ видѣ дополненія къ донесенію вашему въ Святѣйшій Синодъ, написать мнѣ (Дѣйствую поневолѣ вопреки правилу. Святѣйшій Синодъ меня впутываетъ въ дѣла церкви) такое письмо, которое я могъ бы послать въ подлинникѣ въ Петербургъ. Чтобы связать это письмо съ общею перепискою, вы могли бы начать ваше посланіе, примѣрно, такимъ образомъ: «Вы меня спрашиваете, случилось ли мнѣ говорить съ патріархомъ о запрещеніи, наложенномъ на о. Леонида... и почему не сообщилъ я Святѣйшему Синоду ничего о переговорахъ моихъ по этому предмету съ Его Блаженствомъ, а также, какое можетъ быть дано окончаніе этому несчастному вопросу сообразно съ достоинствомъ русской церкви и проч.». Желательно было бы, чтобы, сказавъ, что вы говорили о томъ съ патріархомъ и съ различными личностями, вы *выразили ваше мнѣніе* о прискорбномъ обстоятельствѣ и объ окончательномъ исходѣ. *Я отправлю письмо ваше* съ добавленіемъ своихъ замѣчаній для подкрѣпленія. Для вашего свѣдѣнія считаю полезнымъ предупредить васъ, что я тотчасъ же, по полученіи копіи съ письма оберъ-прокурора, гдѣ мнѣ выражался упрекъ по поводу вашего молчанія, отвѣтилъ князю Горчакову, что нахожу страннымъ, что духовное вѣдомство насильно хочетъ меня вмѣшать какъ une affaire de discipline ecclesiastique, и что меня дѣлаетъ отвѣтственнымъ за молчаніе архимандрита, имѣющаго особое порученіе отъ Святѣйшаго Синода (однимъ словомъ, задалъ порядочный урокъ), что, однако же, на этотъ разъ все, что могу я сдѣлать,—это спросить васъ въ частномъ довѣрительномъ письмѣ о причинѣ замѣченнаго молчанія объ указанномъ обстоятельствѣ и о мнѣніи вашемъ касательно наилучшаго окончанія дѣла. Къ этому добавилъ

я, что хотя причины молчанія вашего мнѣ до сего времени, разумѣется, неизвѣстны, но что, по всей вѣроятности, вы сочли безполезнымъ возвращаться къ непріятному вопросу, который вы, можетъ быть, считали рѣшеннымъ распоряженіемъ Святѣйшаго Синода. Надѣюсь, что письмо ваше будетъ написано *съ тактомъ, обычнымъ вамъ искусствомъ*, что выгородитъ и меня, и васъ, и достоинство Русской Церкви, и патріарха и прольется, какъ ушатъ мерзлой воды на читающаго (митрополита Филарета) въ Петербургѣ» [94]).

Дружескій совѣтъ графа Н. П. Игнатьева арх. Антонинъ выполнилъ скоро и въ точности, и за свою «оффиціальную отписку» (отъ 4 апрѣля) удостоился со стороны Игнатьева не только благодарности, но даже лестной аттестаціи. Отписка признана была „мастерскимъ изложеніемъ“. „По дѣломъ, прибавляетъ графъ Игнатьевъ, *знакомый* (т. е. митрополитъ Филаретъ), васъ остерегается и боится вамъ давать ходъ, чтобы не перещеголяли!“ [95]). Впрочемъ, иначе поступить о. арх. Антонинъ и не могъ, такъ какъ дошедшія до него вѣсти изъ Петербурга о недовольствѣ его слѣдствіемъ по дѣламъ Духовной Миссіи, а главное его обширнымъ донесеніемъ въ Синодъ по этому дѣлу сильно безпокоили его самого. Какъ видно изъ письма къ графу Н. П. Игнатьеву, тревожные слухи изъ Петербурга повергли о. Антонина даже въ полное уныніе. „Помните о. архимандритъ, писалъ въ утѣшеніе графъ Н. П—чъ, *какъ я васъ уговаривалъ*, въ бытность вашу еще въ Константинополѣ, предъ поѣздкой на Аѳонъ, *не писать самому о соединеніи двухъ Миссій подъ однимъ вашимъ началомъ*, предсказывая впечатлѣніе и отзывъ *знакомаго* (курсивъ графа). Видно я его и вообще вашихъ начальствующихъ лучше знаю, нежели монашествующіе. *Я предпочитаю вести это дѣло чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ отъ моего имени*. А когда получилъ длинное донесеніе ваше въ Св. Синодъ, то отгадалъ, что именно тамъ *знакомому* не понравится. Чѣмъ же я „погубилъ вашу головушку“? какъ вы выражаетесь. Напротивъ, я васъ выручилъ, насколько могъ. То-то подняли бы бурю, еслибы послали изъ Константинополя проектецъ! *Если бы я былъ съ вами въ Іерусалимѣ, конечно, я постарался бы уговорить васъ нѣкоторыя*

[94]) Тамъ же. [95]) Тоже отъ $^{2}/_{15}$ мая 1866 г

вещи выпустить изъ донесенія. Но вы такой храбрый, что просто бѣда!“ [96]).

Дѣло іерусалимской Духовной Миссіи и патріарха Кирилла II сильно волновало графа Игнатьева. „Чтобы возвратиться къ порученному вамъ слѣдствію, объясните мнѣ, спрашивалъ онъ арх. Антонина, на кого мѣтитъ *знакомый* вашъ, указывая, что вы обвинили предмѣстника *изъ угожденія одному значительному лицу. Не меня ли подразумѣваетъ смиренный знакомый?* Вы знаете мнѣніе мое по несчастному этому дѣлу. Я вовсе не желаю объясненія, а—безъотлагательнаго прекращенія постоянныхъ столкновеній и безполезной, если не крайне вредной, личной борьбы, сплетенъ и т. п. Рѣшительно отказываюсь понимать, почему Св. Синодъ такъ упорно противится соединенію двухъ, такъ называемыхъ, духовныхъ Миссій. Надо полагать, что, по полученіи отвѣта патріарха, вопросъ тотчасъ рѣшится. Такъ или иначе знакомый пересилитъ! Хотя желательно окончательное рѣшеніе, но при такомъ настроеніи я предпочелъ бы большую проволочку, до моей поѣздки въ Петербургъ. Побывавъ лично въ Москвѣ, я, можетъ быть, и уговорилъ бы, пользуясь прежнимъ знакомствомъ“ [97]).

Дѣло объ о. арх. Леонидѣ и о безпорядкахъ при немъ въ іерусалимской Миссіи тянулось, какъ извѣстно, до кончины митрополита Филарета и лишь съ его смертію пошло на ликвидацію. Митрополитъ Филаретъ все время энергично настаивалъ на полученіи извинительной грамоты отъ патріарха іерусалимскаго Кирилла, который, съ своей стороны, не признавая за собою особенной вины, медлилъ съ ея посылкою. Въ Россіи желали возстановленія якобы попранной въ лицѣ ея представителя арх. Леонида чести Русской Церкви и ждали грамоты отъ патріарха съ оправданіемъ о. Леонида. Консула Карцова, какъ явно враждебнаго арх. Леониду, требовали удалить изъ Іерусалима, считая это за „видимое удовлетвореніе“. На графа Игнатьева и арх. Антонина протендовали за ихъ безпристрастное и корректное отношеніе къ этому дѣлу [98]).

„Такъ какъ, не смотря на ваши высокія христіанскія добродѣтели, вы, писалъ графъ Игнатьевъ о. Антонину, по возвращеніи изъ Россіи, по свойственной человѣку немощи,

[96]) Тамъ же. [97]) Тамъ же. [98]) Тоже отъ $^{3}/_{15}$ окт 1866 г

предпочитаете всѣмъ разсказамъ о моихъ похожденіяхъ или политическихъ соображеніяхъ,—сообщеніе извѣстія, лично до васъ относящагося, то я ограничусь на первый разъ передачею того, что знаю о мнѣніи Св. Синода касательно умиротворенія іерусалимской и константинопольской Миссій и указаніемъ средствъ скорѣйшимъ образомъ достигнуть прибытія вашего въ Константинополь. Берегъ близко! Отъ васъ зависитъ достигнуть его материка раньше или позже. Прежде всего скажу вамъ по секрету, что графъ Толстой (оберъ-прокуроръ) и новгородскій митрополитъ продолжаютъ по прежнему сердится на патріарха іерусалимскаго за отлученіе о. Леонида и за переписку съ Синодомъ, неприличную (по выраженію нашихъ), а на васъ сѣтовать за католическіе указы, за дипломатическое донесеніе и за упрямство патріарха. Рѣшено было: 1) васъ оставить, во всякомъ случаѣ, въ Іерусалимѣ, 2) пока патріархъ не извинится предъ Св. Синодомъ, „Русскою Церковью, за оскорбленіе ея“ въ лицѣ „Леонида“, архимандрита Леонида *оставить въ Константинополѣ, а васъ въ Іерусалимѣ въ нынѣшнемъ неопредѣленномъ положеніи.* Я сдѣлался, по убѣжденію и влеченію сердца, *вашимъ адвокатомъ.* Послѣ многократныхъ споровъ мнѣ обѣщали освободить васъ отъ Іерусалима, если ваше здоровье заставитъ пожелать вамъ вернуться въ Константинополь, или если вы предпочитаете быть въ Византіи.... Вызовъ же о. Леонида, окончательное разрѣшеніе неопредѣленнаго положенія вашего и ваше сюда возвращеніе подчинены одному условію, преодолѣть которое я не успѣлъ. Оберъ-прокуроръ настаиваетъ на томъ, чтобы іерусалимскій патріархъ воспользовался первымъ случаемъ (увѣдомленіемъ о полученіи денегъ, высланныхъ ему Синодомъ и т. п.), чтобы хотя вскользь, но опредѣлительно выразилъ сожалѣніе, „что могли возникнуть недоразумѣнія между Іерусалимскою и Русскою Церковью, и что Его Блаженство могъ возбудить неудовольствіе Св. Синода своимъ поступкомъ касательно о. Леонида, тогда какъ ему и въ голову придти не могло оскорбить нашу церковь и проч.“. Мнѣ обѣщано, что, если самое слабое извиненіе въ этомъ смыслѣ будетъ найдено въ письмѣ патріарха, то наши самолюбивые іерархи (и въ особенности громоносный прокуроръ) смилостивятся, тотчасъ снимутъ съ о. Леонида званіе начальника Іерусалимской Миссіи и распо-

рядятся окончательнымъ устройствомъ дѣлъ нашихъ двухъ растроенныхъ духовныхъ Миссій. Неужели, съ свойственнымъ вамъ краснорѣчіемъ, силою убѣжденія, тихою вкрадчивостью и несомнѣннымъ дипломатическимъ талантомъ, вы не ухитритесь убѣдить патріарха, при удобномъ случаѣ, положить конецъ несносному для него и для насъ дѣлу? Что ему стоитъ черкнуть нѣсколько примирительныхъ словъ, тѣмъ болѣе, что онъ постоянно заявлялъ именно то, что его просятъ выразить на бумагѣ, т. е. что у него не было въ поминѣ оскорблять Русскую Церковь, и что необдуманный поступокъ его (относится) не къ Синоду, а лично къ о. Леониду. Однимъ словомъ, ваше возвращеніе въ Константинополь въ вашихъ собственныхъ рукахъ. Теперь пеняйте на себя, если будете сидѣть дольше въ Іерусалимѣ, и если ссора съ патріархомъ разростется въ разрывъ между Св. Синодомъ и Іерусалимскою Церковью. Между нами будь сказано, раздраженіе оберъ-прокурора было таково, что рѣчь шла о немедленномъ закрытіи іерусалимскихъ подворій въ Россіи и объ изгнаніи греческихъ монаховъ. Я съ трудомъ доказалъ неумѣстность подобныхъ распоряженій. Само собою разумѣется, что вы сумѣете внушить патріарху мысль о включеніи письменно желаемыхъ фразъ съ увѣдомленіемъ о полученіи денегъ, такъ что онъ даже и не замѣтитъ отсюда, почему и какъ совѣтъ этотъ данъ“ [99]).

Это письмо въ Іерусалимѣ понято было о. Антониномъ въ томъ смыслѣ, что участь его Св. Синодомъ какъ бы была предрѣшена, т. е. что ему необходимо остаться уже на всегда въ Іерусалимѣ. „Изъ письма вашего отъ 30 апрѣля вижу, писалъ ему графъ Игнатьевъ, что или я плохо выразился въ моемъ письмѣ, или вы меня не поняли, но я и не думалъ объявлять вамъ, что рѣшено (Св. Синодомъ) *теперь* оставить васъ въ Іерусалимѣ во всякомъ случаѣ. Такое предположеніе дѣйствительно существовало, но мнѣ думается, что я разсѣялъ подобный замыселъ, и, напротивъ, убѣдилъ большинство вліятельныхъ (въ подобныхъ дѣлахъ) лицъ въ необходимости или возвратить васъ намъ, т. е. обитателямъ Константинополя на извѣстныхъ вамъ условіяхъ, или же вызвать въ Россію и посвятить сношеніямъ (дипломатическимъ) съ Восточною Церковью, такъ какъ, по кончинѣ

[99]) Письмо графа Игнатьева къ арх. Антонину отъ 10/22 апрѣля 1868 г

Филарета у насъ нѣтъ никого, по мнѣнію моему, способнаго составлять и выражать за Св. Синодъ мнѣніе въ различныхъ щекотливыхъ случаяхъ и отвѣты на патріаршія грамоты, обращеніе Синода и т. п. Кто же возьмется написать такъ *дипломатически* и такъ *крючковато* (такъ ли?), но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ православно, какъ вы“ [100]).

Графъ Игнатьевъ напрягалъ всѣ усилія къ тому, чтобы примирить патріарха іерусалимскаго Кирилла съ Св. Синодомъ, ублажая патріарха и прося всяческаго содѣйствія въ этомъ важномъ дѣлѣ и со стороны о. арх. Антонина, находившагося въ дружественныхъ отношеніяхъ къ патріарху Кириллу. „Стараясь выставить самымъ рельефнымъ образомъ плачъ патріарха, *я*, пишетъ графъ Игнатьевъ о. Антонину, еще разъ (10-й кажется) предложилъ Св. Синоду воспользоваться представляющимся случаемъ для окончательнаго примиренія и забытія прошлаго. Незнаю, подѣйствуютъ ли на этотъ разъ мои христіанскія увѣщанія на членовъ Св. Синода“ [101]). Чтобы расположить патріарха Кирилла къ уступчивости и позолотить ему горькую пилюлю—обидное для него извинительное письмо къ Св. Синоду, графъ Игнатьевъ черезъ канцлера князя Горчакова выхлопатываетъ на имя патріарха благоволительное письмо Государя Императора. „Я человѣкъ не злопамятный и надѣюсь съ будущей почтою доставить, писалъ о. Антонину графъ Игнатьевъ, въ видѣ цѣлебнаго пластыря приложить и залечить рану, нанесенную о. Леонидомъ и Св. Синодомъ — іерусалимскому патріарху, письмо канцлера отъ имени Государя. Я внушилъ эту мысль, чтобы порадовать старика и отвѣтить на его привѣтъ къ царскому юбилею. Надѣюсь, что, хотя на этотъ разъ, вашъ упорный старикъ скажетъ мнѣ спасибо. *Неужели вы и этимъ не воспользуетесь, чтобы сгладить шероховатость между патріархомъ и Синодомъ указаннымъ мною способомъ*“ [102])?

О. арх. Антонинъ, наконецъ, внялъ дружескому совѣту константинопольскаго посла графа Н. П. Игнатьева. Желательная извинительная грамата въ Св. Синодъ, скрѣпя сердце, была написана патріархомъ. Ходъ дальнѣйшихъ событій, однако, показалъ, что эта грамота не измѣнила къ лучшему положеніе о. арх. Антонина, который вслѣдъ затѣмъ окон-

[100]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ $^{18}/_{30}$ іюня 1868 г. [101]) Тамъ же. [102]) Тамъ же.

чательно былъ назначенъ начальникомъ русской Духовной Миссіи въ Іерусалимѣ и такимъ образомъ лишенъ возможности вернуться въ излюбленную имъ Византію.

Что же касается о. арх. Леонида, высланнаго изъ Іерусалима въ Константинополь для исправленія обязанностей настоятеля тамошней Миссіи, то все это время, пока шли препирательства между патріархомъ Кирилломъ и нашимъ Св. Синодомъ, онъ чувствовалъ себя на новомъ мѣстѣ въ нервномъ, неспокойномъ состояніи духа. Неопредѣленность служебнаго положенія, нелады съ подчиненнымъ ему клиромъ константинопольской Миссіи, который отказывался признавать его авторитетъ, какъ временнаго замѣстителя, и не вполнѣ дружелюбное и довѣрчивое отношеніе къ нему посла графа Н П. Игнатьева—все это создавало для него въ Константинополѣ крайне тяжелую нравственную атмосферу, освободиться отъ которой онъ пытался всѣми мѣрами. Неоднократныя поѣздки на Аѳонъ для отдыха и научныхъ занятій, переписка съ своими доброжелателями въ Россіи и исполненіе съ готовностію всяческихъ, даже щекотливыхъ порученій, нѣсколько хотя и развлекали его и заставляли забывать на время неприглядную дѣйствительность, но потомъ снова овладѣвало имъ столь мрачное состояніе духа, что онъ начиналъ мечтать навсегда похоронить себя въ тиши аѳонской келліи, или даже стать въ ряды простыхъ иноковъ любимой имъ Оптиной пустыни. Вызовъ его въ Россію и назначеніе настоятелемъ первоклассnаго Ново-Іерусалимскаго монастыря подъ Москвою, послѣ кончины митрополита Филарета, арх. Леонидъ принялъ поэтому съ радостію, какъ желанную награду за испытанныя злоключенія и страданія на Востокѣ.

Съ сложившимся такъ неожиданно для арх. Антонина исходомъ его командировки въ Іерусалимъ не могли легко примириться ни самъ о. арх. Антонинъ, ни его благожелатель графъ Н. П. Игнатьевъ. Оба они изыскивали всѣ мѣры къ тому, чтобы жить близко другъ къ другу, во взаимномъ постоянномъ общеніи и по возможности въ единомысліи, но ихъ усилія встрѣчали въ этомъ отношеніи упорныя противодѣйствія въ высшихъ духовныхъ сферахъ. Митрополитъ Филаретъ, высказывая свое неудовольствіе на пресловутое донесеніе о. арх. Антонина о безпорядкахъ въ

іерусалимской Духовной Миссіи, назвалъ его донесеніе „опытомъ, несоотвѣтствующимъ его достоинству“, рельефно нѣсколько разъ подчеркнулъ высказанную имъ тамъ мысль объ апокрисіаріѣ при вселенскомъ патріархѣ, въ лицѣ настоятеля русской Духовной Миссіи въ Константинополѣ [103]). Что же касается графа Н. П. Игнатьева, то онъ ту же мысль о арх. Антонина въ свое время привѣтствовалъ съ восторгомъ. „Скажу вамъ по секрету, писалъ онъ арх. Антонину, что мысль о духовномъ представительствѣ Русской Церкви въ Константинополѣ и о болѣе частомъ и прочномъ общеніи всѣхъ автокефальныхъ церквей, я вдолбилъ не только патріарху Григорію VI (1867—1871), сему сочувствующему, но еще потрухивающему, но и даже нашему Синоду. Дѣло разгорается. Заминка въ томъ, что я требую категорическаго мнѣнія нашихъ пастырей по нѣкоторымъ пунктамъ, а извѣстный вамъ *кормчій* отлынивает и дипломатизируетъ, желая оставить за собою лишь право критики, но не отвѣтственность. А я въ дураки и невѣжды лѣзть не хочу. Нашла коса на камень“ [104]). Въ слѣдующемъ году, послѣ поѣздки въ Петербургъ, графъ Игнатьевъ по вопросу объ апокрисіаріѣ при вселенскомъ патріархѣ писалъ арх. Антонину слѣдующее: „возобновляю дружескую мою переписку съ вами, хотя и душевно предпочелъ бы замѣнить оную дѣйствительною бесѣдою съ глаза на глазъ. Ваши нѣкоторые петербургскіе дѣятели все вкривь и вкось дѣлаютъ, и мнѣ всякое дѣло такимъ образомъ портятъ. Разсматриваю я теперь, между прочимъ, *инструкцію для будущаго здѣшняго духовнаго представителя Русской Церкви* (это величайшій секретъ), но убѣждаюсь, что „не въ коня кормъ“. Спохватились теперь о томъ, о чемъ *я писалъ три года тому назадъ*, а *личность*, имѣющуюся для сего въ виду не даютъ и прячутъ свѣчу подъ столъ. Поговариваютъ о присылкѣ сюда о. Романова, изъ бѣлаго духовенства, знающаго много излишнихъ языковъ (до 16-ти)“ [105]). „Кажется писалъ я вамъ, говорится въ

[103]) «Архимандритъ Антонинъ очень далеко выходитъ изъ предѣловъ даннаго ему порученія, писалъ м. Филаретъ оберъ-прокурору графу Д. А. Толстому, прожектируя, чтобы *начальникъ іерусалимской Миссіи былъ въ Константинополѣ и имѣлъ намѣстника въ Іерусалимѣ*» (Собран мнѣній и отзывовъ по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ стр. 449, 450 и 455).
[104]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ 25 іюля 1868 г. [105]) Тоже отъ 12 сент. 1869 г.

*

другомъ письмѣ графа Игнатьева, что мнѣ прислали на заключеніе новую инструкцію для настоятеля посольской Миссіи въ Константинополѣ. Хотѣли поручить установленіе (по нашей мысли) прямыхъ сношеній между восточными іерархами и нашимъ Св. Синодомъ ученому священнику, который бы сносился съ оберъ-прокуроромъ. Разобралъ я по косточкамъ инструкцію, выставилъ несообразность круга дѣятельности духовнаго представителя (ему поручалось, между прочимъ, объѣзжать монастыри и церкви въ Турціи съ заявленіемъ, что „ему поручено Св. Синодомъ развѣдать о *нуждахъ* и потребностяхъ Восточной Церкви“) и отстаивать *черное* духовенство противъ бѣлаго, и достоинство Св. Синода противъ вмѣшательства оберъ-прокурора. Не знаю, скажутъ ли мнѣ спасибо члены Св. Синода, но говорятъ, что оберъ-прокуроръ разсердился не на шутку данному уроку. Не люблю я вмѣшиваться въ дѣла, до меня не относящіяся, но на бѣду запросили мое заключеніе“[106]).

Главная причина недовольства графа Игнатьева инструкціею оберъ-прокурора и всѣми петербургскими толками объ апокрисіаріѣ Русской Церкви заключалась въ *личности* апокрисіарія, каковымъ онъ единственно желалъ видѣть въ Константинополѣ только о. арх. Антонина. „Я не теряю надежды видѣть васъ здѣсь въ качествѣ апокрисіарія, писалъ графъ Игнатьевъ о. Антонину. Мнѣ дали на разборъ инструкцію заготовленную для представителя нашего Св. Синода при Восточной Церкви, и я разобралъ по косточкамъ. Воспользовавшись симъ случаемъ, что бы описать всѣ качества, необходимыя для успѣшнаго исполненія трудной задачи избраннаго лично мною, да такъ направилъ рѣчь, что тотъ, кому я далъ переписывать мою черновую, замѣтилъ мнѣ: „Ваше превосходительство желаетъ, вѣроятно, чтобы о. Антонина назначили, ибо тутъ всякій поймет, что портретъ его описывается“. Послѣ моей (смѣю васъ увѣрить, справедливой) критики петербургской, затѣйливой, но не подходящей къ дѣлу инструкціи, дѣло сѣло временно на мель, но снова всплыветъ и, я надѣюсь, пойдетъ плавно“ [107]).

Надеждамъ графа, однако же, не суждено было сбыться, хотя онъ и упорно настаивалъ на необходимости имѣть въ Константинополѣ апокрисіарія. Этотъ высокой церковной

[106]) Тоже отъ 7 мая 1870 г [107]) Тоже отъ 10/22 іюня 1870 г.

важности вопросъ въ Петербургѣ принялъ неожиданное направленіе, которое и погребло его, къ глубокому сожалѣнію, въ синодскій архивъ навсегда. „Я снова возбудилъ вопросъ объ апокрисіаріѣ, писалъ графъ Игнатьевъ (Вы, кажется знаете, что настояніемъ и упорствомъ въ преслѣдовании цѣли едва ли кто можетъ меня перещеголять), и на этотъ разъ успѣшнѣе прежняго. Кажется, Св. Синодъ, рѣшится отправить для пробы временнаго апокрисіарія по болгарскому вопросу въ Константинополь, и *порученіе это возложитъ на васъ*. Все это да останется между нами, ибо въ Петербургѣ семь пятницъ на недѣлѣ, и принятое нынѣ, съ отъѣздомъ моимъ можетъ измѣниться. Предложеніе мое заключалось въ томъ, чтобы, вмѣсто многочисленнаго собора, могущаго повести на первый разъ къ скандалу, или сухого письменнаго отвѣта на послѣднее обращеніе патріарха Григорія къ церквамъ православнымъ, отвѣтить краткою грамотою, поручивъ апокрисіарію, т. е. вамъ дополнить и развить мысль Св. Синода изустно, и вести дѣло къ примиренію враждующихъ сторонъ совмѣстно съ сербскимъ митрополитомъ и аѳинскимъ апокрисіаріемъ. Чтобы дать прямое начало дѣлу, было предложено—не посѣтуйте на меня за безпокойство вамъ учиненное—вызвать васъ въ Петербургъ для удостовѣренія, что вы „*иной человѣкъ*“, *нежели полагаютъ нѣкоторые церковные дѣятели*, условиться съ вами, дать вамъ инструкцію, снабдить васъ всѣми надлежащими полномочіями, благословеніями, отличіями и т. п. и попросить васъ отправиться въ Константинополь для исполненія щекотливаго, но достославнаго порученія, сохраняя миръ и любовь со мною (?). Знаю, что вамъ не полюбится катанье на сѣверъ, если оно совпадетъ съ зимою, но опасаюсь, что именно такъ и случится“[108]). Поставленный такимъ образомъ этотъ важный въ церковномъ отношеніи вопросъ не возъимѣлъ практическаго результата и остается не разрѣшеннымъ и доселѣ.

Архимандритъ Антонинъ, очутившись неожиданно іерусалимскимъ обитателемъ, принялся энергично за исправленіе обязанностей начальника русской Духовной Миссіи, пользуясь опытомъ и печальными живыми примѣрами своихъ предшественниковъ—еп. Кирилла (Наумова) и арх. Леонида (Кавелина) Прежде всего онъ постарался выяснить

[108]) Тоже отъ 22 ноября 1870 г

свое отношеніе къ іерусалимскому консулу, съ которымъ шли большіе нелады у его предшественниковъ. Еще въ пресловутомъ донесеніи о безпорядкахъ въ Духовной Миссіи, арх. Антонинъ обращалъ вниманіе Св. Синода на ненормальность въ этомъ отношеніи положенія Миссіи, и эта почти единственная его мысль нашла сочувствіе у митрополита Филарета, который на донесеніи замѣтилъ: „Святѣйшій Синодъ, безъ сомнѣнія, обратитъ на сіе вниманіе, чтобы исправить отношеніе между начальникомъ Духовной Миссіи и консуломъ“ [109]). Явилась поэтому у графа Игнатьева серьезная мысль „объ образованіи въ Іерусалимѣ русскаго монастыря въ замѣнъ нынѣшняго нелѣпаго и неопредѣленнаго устройства Миссіи“. „Чтобы облечь эту мысль въ опредѣленную форму и дать ей оффиціальный ходъ, необходимо, писалъ о. Антонину графъ Игнатьевъ, чтобы вы мнѣ доставили полное соображеніе ваше, не забывъ разносторонняго обсужденія и матеріальной части, т. е. распредѣленія построекъ между монастыремъ и консульствомъ, указанія потребныхъ денежныхъ средствъ“ [110]) и т. п. „Вы мнѣ намеками говорите о фальшивомъ положеніи, въ которомъ находится Духовная Миссія относительно консульства, повторяетъ гр. Игнатьевъ въ письмѣ къ о. Антонину нѣсколько позже Кто же виноватъ въ продолженіи этого положенія, какъ не вы сами? Случай представляется сдѣлать попытку учредить монастырь, выйти изъ настоящихъ отношеній и т. п., а вы пальчика не хотите приложить“ [2]). Но эта мысль графа не получила своего реальнаго осуществленія не только при жизни о. Антонина, но и послѣ, при арх. Рафаилѣ, когда за это дѣло, при содѣйствіи Св. Синода, взялся было покойный В. Н. Хитрово, секретарь Императорскаго православнаго Палестинскаго общества.

Размежевать Духовную Миссію отъ консульства взяла было на себя Палестинская Коммисія, которая не пользовалась сочувствіемъ графа Игнатьева. „Извѣстенъ ли вамъ проектъ Кожевникова, спрашиваетъ графъ Н. П—чъ о. Антонина, касательно разграниченія между Духовною Миссіею и пріѣзжими 1-го разряда. Для сихъ послѣднихъ отдѣляется южная сторона,

[109]) Арх. Савва, Собран мнѣн. и отзыв. Филарета м. москов. по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ стр. 449. [110]) Письмо графа Игнатьева къ арх. Антонину отъ $^{10}/_{22}$ апр. 1868 г [111]) Тоже отъ $^{18}/_{30}$ іюня 1868 г.

и соприкосновенія непосредственнаго съ пріѣзжими уже не будетъ, какъ при нынѣшнемъ размѣщеніи. Не знаю только понравится ли вамъ сохраненіе 3-хъ сторонъ, сопровождаемое южной солнечной. Правда, что $^3/_4$ года лучше не имѣть комнатъ на солнцѣ іерусалимскомъ, но можетъ быть зимою будетъ вамъ непріятно. Сообщите ваше заключеніе для избѣжанія недоразумѣнія. А то пожалуй *Палестинская Коммиссія начнетъ разсуждать, не дожидаясь отзыва лицъ заинтересованныхъ*. Въ Петербургѣ это случается" [3]) Поэтому, изъ-за Духовной Миссіи послу константинопольскому графу Игнатьеву приходилось усиленно бороться въ Петербургѣ, гдѣ всячески желали возвышенія въ Іерусалимѣ свѣтской власти надъ духовною. „Съ моей стороны, пишетъ графъ Игнатьевъ, была лишь *всегдашняя готовность принять ваши мнѣнія*, отстаивать ихъ предъ несноснымъ петербургскимъ чиновничествомъ и избѣгать всякаго повода къ столкновенію между двумя отечественными учрежденіями, поставленными канцеляріями въ ненормальномъ отношеніи другъ къ другу. Еще въ послѣдній пріѣздъ мой въ Петербургъ бранился я изъ-за васъ въ Азіатскомъ Департаментѣ, *обвиняющемъ меня въ постоянномъ потворствѣ вамъ и въ желаніи унизить консульское достоинство*. Грѣхъ вамъ въ чемъ либо на меня сѣтовать и смѣшивать петербургскія воззрѣнія съ моими. *Не забывайте, что существуетъ Палестинская Коммиссія, которая, какъ каждая амфибія, виляетъ то въ воду, то на сушу, и для нашего брата не уловима*. Безличная отвѣтственность, соединенная съ чисто бюрократическимъ направленіемъ, упорно противодѣйствуетъ мнѣніямъ, не сходнымъ съ основною мыслію канцелярской дѣятельности" [1]).

Двойственность власти на русскихъ постройкахъ и столкновенія ихъ продолжались и при о. арх. Антонинѣ и вызывали крупныя недоразумѣнія. «Соболѣзную вполнѣ, пишетъ графъ Игнатьевъ, *двойственности на постройкахъ и происходящимъ препирательствамъ*. Вы знаете, что мысль моя была устроить монастырь, и не моя вина, что существуетъ спеціальное вѣдомство—Палестинская Коммиссія, всѣмъ распоряжающаяся и недопускающая посторонняго вмѣшательства. Бумага ваша (о разграниченіи сферъ) хитро и бойко написана, но *крючкотворна* и не къ пользѣ послужитъ, скажу вамъ

[112]) Тоже отъ 14 марта 1869 г. [113]) Тоже отъ 12 сент. 1869 г.

откровенно. Копію представлю въ С.-Петербургъ съ жалобою на ваше «посягательство», а Азіатскій Департаментъ и Палестинская Коммиссія на васъ вознегодуютъ. Сомнѣваюсь, чтобы при теперешнемъ положеніи дѣлъ можно было достигнуть желаемаго вами результата. Мнѣніе, вами высказанное, справедливо, но мнѣніе *предвзятое* не признается. Напрасно затронули вы добавочное содержаніе консула—это *больное* мѣсто“ [114]). И дѣйствительно, результатъ упомянутой бумаги получился, какъ и ожидалъ графъ Игнатьевъ, отрицательный. Судьба Духовной Миссіи въ Палестинѣ висѣла нѣкоторое время просто на волоскѣ. „Духовную Миссію хотятъ уничтожить, говоритъ Игнатьевъ. какъ не соотвѣтствующую цѣли, ошибочно поставленной при учрежденіи. Говорятъ, что миссіонерство русское не мыслимо въ Палестинѣ, и что на заведеніяхъ „долженъ быть просто церковный клиръ подъ начальствомъ настоятеля для приходящихъ поклонниковъ“. На этомъ основаніи требуютъ отъ меня отзыва уже нѣсколько мѣсяцевъ (вотъ кто истинный спаситель Духовной Миссіи). Вы знаете, почтеннѣйшій отецъ, мое давнишнее мнѣніе: *миссія дѣйствительно стоитъ на ложномъ основаніи*, что подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ постояннымъ. Проще и лучше было бы учредить русскій монастырь на „заведеніяхъ“. Я предлагалъ это еще въ 1861 году. Тогда все бы упростилось, выяснилось, вошло въ рамки. Министерствомъ не отвергается такое предположеніе, а Св. Синодъ не поддерживаетъ. А потому и остановились теперь на переименованіи миссіи въ настоятельство. Начальника же прочатъ перевести архіереемъ въ Россію и, вѣроятно, поручатъ ему, по моему совѣту, блюсти за сношеніями Св Синода съ другими православными церквами, заступивъ такимъ образомъ мѣсто, оставшееся незанятымъ — высокопреосвященнаго Филарета въ отношеніи къ церковной политикѣ. Когда состоится это *преобразованіе* неизвѣстно, но нѣкоторые признаки заставляютъ меня полагать, что въ сентябрѣ или въ октябрѣ. Ко мнѣ пристаютъ не на шутку для представленія окончательнаго заключенія. Все вышесказанное храните въ тайнѣ, усматривая въ этомъ новый знакъ моего личнаго довѣрія и искренной къ вамъ привязанности“ [115]).

[114]) Тоже отъ $^{8}/_{20}$ ноября 1873 г. [115]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ 27 іюля 1874 г

Это письмо посла изъ Константинополя было принято о. арх. Антониномъ съ большою тревогою, и онъ началъ было думать, что и посольство раздѣляетъ мнѣніе о закрытіи Миссіи, а посему и рѣшился протестовать со всею силою своего слова въ горячемъ письмѣ въ графу Игнатьеву, выставляя рельефно на видъ заслуги Духовной Миссіи предъ Россіею. На это письмо, по порученію графа Игнатьева, отправившагося въ это время въ Ливадію, сначала отвѣчалъ о. арх. Смарагдъ, завѣряя, что „посольство никогда не имѣло и не имѣетъ намѣренія уничтожить іерусалимскую Миссію“, напротивъ, посольство всегда съ уваженіемъ и большою похвалою отзывалось—успокоивалъ о. Антонина арх. Смарагдъ—о васъ и о вашихъ дѣйствіяхъ въ Палестинѣ“, ибо „церковные интересы на Востокѣ также, если не болѣе для меня (т. е. графа Игнатьева, который говорилъ это о Смарагду) священны, какъ и политическіе русскіе“ [116]). Нѣсколько спустя, потомъ отвѣчалъ по тому же поводу и самъ посолъ графъ Игнатьевъ. „Слѣдовало бы мнѣ, писалъ онъ, поступить съ вами, какъ поступлено было съ Ѳомой и прислать вамъ подлинное отношеніе Азіатскому Департаменту въ отвѣтъ на полученное недѣли три тому назадъ и запрашивающее меня, почему я до сихъ поръ не представляю соображеній моихъ касательно преобразованія Духовной Миссіи въ настоятельство. Я отвѣчалъ, дней десять тому назадъ, что *нахожу невозможнымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ касаться іерусалимской Духовной Миссіи*, „ибо уничтоженіе оной было бы истолковано греками ярыми, какъ побѣда надъ нами“. Ожидаю бури и грозы ради васъ. Во всякомъ случаѣ мой отвѣтъ оттянетъ исполненіе затѣй петербургскихъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Безъ всякаго сомнѣнія, однакоже, переписка возобновится. Очень радъ, что вы ладите съ Юзефовичемъ (консулъ іерусалимскій). Давно бы пора прекратить ненормальныя отношенія между консульствомъ и русскимъ духовенствомъ“ [117]).

По своей неугомонной натурѣ о. архимандритъ Антонинъ не могъ сидѣть въ Іерусалимѣ спокойно, сложа руки. Онъ смѣло и рѣшительно, какъ мы видѣли, вступилъ въ борьбу

[116]) Письмо о. арх. Смарагда, настоятеля посольской церкви въ Константинополѣ, къ о. Антонину отъ 30 авг 1874 г. [117]) Письмо графа Н. П. Игнатьева къ о. Антонину отъ 10/22 дек 1874 г.

и съ всесильною Палестинскою Коммиссіею, и съ ея покорнымъ агентомъ—іерусалимскимъ консуломъ по вопросу о правахъ начальника Миссіи въ Іерусалимѣ и объ ея территоріальныхъ границахъ на русскихъ постройкахъ. Вопросъ этотъ имъ поставленъ былъ настолько остро, что судьба Іерусалимской Миссіи одно время, какъ мы сказали, висѣла на волоскѣ, и самъ о. архимандритъ подумывалъ или о возвращеніи въ Россію, или же объ удаленіи на покой съ исходатайствованною ему графомъ Н. П. Игнатьевымъ пенсіею въ тысячу рублей. Сознаніе, что русскій Синодъ продолжаетъ къ нему свое неблаговоленіе за его не вполнѣ удачное слѣдствіе по дѣлу безпорядковъ въ Миссіи при арх. Леонидѣ и за его проекты о слияніи Миссій іерусалимской и константинопольской въ лицѣ апокрисіарія при вселенскомъ патріархѣ, хотя и безпокоила о. арх Антонина, но не мѣшало ему идти впередъ по пути, имъ самимъ начертанному и признанному единственно полезнымъ для блага русскаго народа. Мы имѣемъ въ виду его земельныя территоріальныя преобрѣтенія въ предѣлахъ Св. Земли. Здѣсь въ этой сторонѣ своей весьма успѣшной дѣятельности о. арх. Антонинъ остается совершенно одинокимъ. На территоріальные „захваты“ о. Антонина, какъ именовалъ пріобрѣтенія его графъ Игнатьевъ, косо смотрѣли сами хозяева — турки и особенно вѣчные соперники и непримиримые антагонисты его католики, которымъ каждый клочекъ, купленный имъ, былъ настоящимъ бѣльмомъ на глазу. Къ этимъ пріобрѣтеніямъ неблагосклонно относились въ Россіи и Св. Правительствующій Синодъ, и Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ лицѣ Палестинской Коммиссіи. Здѣсь, наконецъ, не находилъ полной и энергичной поддержки для себя о. Антонинъ и у своего благожелателя и всегдашняго покровителя константинопольскаго посла графа Н. П Игнатьева, который, исключительно съ политической точки зрѣнія, смотрѣлъ на эту сторону дѣятельности о. Антонина, какъ на мало полезную и для Россіи не нужную. „По полученному отъ Азіатскаго Департамента отношенію видно, писалъ Н. П—чъ, что въ Министерствѣ тревожатся вашими покупками, и еще болѣе посольство не одобряютъ,—и *даже противятся* территоріальному пріобрѣтенію нашей Духовной Миссіи. Болѣе и болѣе убѣждаюсь, что я правъ былъ, когда еще въ 1862 году от-

стаивалъ мысль о превращеніи Духовной Миссіи въ русскій Палестинскій монастырь. Тогда былъ бы смыслъ въ вашихъ поземельныхъ пріобрѣтеніяхъ. *Теперь же вы строите на воздухъ.* Не гнѣвайтесь на меня за сообщеніе—обязательное—разсужденій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ касательно іерусалимскихъ дѣлъ“ [118]).

Въ 1868 году, въ концѣ его, о. арх. Антонинъ, какъ извѣстно, пріобрѣлъ въ русскую собственность пресловутый *Дубъ Мамврійскій*, и этому счастливому пріобрѣтенію онъ придавалъ большое значеніе [119]). Дѣло это, тянувшееся довольно долго, причинило не мало хлопотъ покойному Н. П. Игнатьеву и разрѣшено было въ концѣ концовъ въ благопріятномъ смыслѣ для о. Антонина, лишь при его энергичномъ содѣйствіи. „Дѣло о Мамврійскомъ Дубѣ уладится, писалъ Н. П—чъ о. Антонину. Признателенъ за фотографію. *Баталію пришлось выдержать не малую*, ибо намъ не хотѣли даровать право пріобрѣтать новый ключекъ въ Палестинѣ, въ виду отказа моего подписать, подобно другимъ державамъ, протоколъ о недвижимой собственности иностранцевъ, влекущій за собою утрату нѣкоторыхъ правъ и привилегій“ [120]). По случаю отъѣзда графа Игнатьева въ Россію для устройства имѣнія своей жены, благодаря неумѣнію его временныхъ замѣстителей, дѣло это, однако, едва было не затормозилось и не было проиграно. „Надѣлали вы хлопотъ посольству съ Мамврійскимъ Дубомъ, писалъ графъ Игнатьевъ. Турки такъ рѣшительно отказали (во время моего отсутствія), что имъ теперь никакъ нельзя попятиться. Я уже замолвилъ было объ этомъ вали, но верховный визирь наотрѣзъ отвѣтилъ, что пріобрѣтеніе Мамврійскаго Дуба нами было бы совершеннымъ нарушеніемъ установленнаго statu quo въ Палестинѣ, и что мѣсто это чтится мусульманами въ равной степени съ православными. Вали опасается возбужденія мусульманскаго фанатизма и указываетъ на донесенія губернатора и на разные мазбаты, въ этомъ смыслѣ составленные. Попытаюсь еще поколебать убѣжденія Порты и составлю для сего записку, составленную на хитросплетенныхъ (и между нами, довольно натяну-

[118]) Тоже отъ 9 февр 1872 г [119]) А Дмитріевскій. Начальникъ русск Дух. Миссіи въ Іерусалимѣ арх Антонинъ, какъ дѣятель на пользу православія на Востокѣ и въ частности въ Палестинѣ стр. 37—38, Спб. 1904. [120]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ 14 марта 1869 г.

тыхъ) аргументахъ вашего отвѣта. Что мнѣ всего досаднѣе, это то, что дѣло было почти улажено до моего отъѣзда, и *мои* помощники испортили мнѣ въ конецъ этотъ вопросъ, подобно многимъ другимъ. Вы же, съ своей стороны, поторопились и заварили намъ кашу, которую теперь и не расхлебаешь. Буду отстаивать ваши воззрѣнія, но предвижу неудачу и въ этомъ предвидѣніи желалъ бы заблаговременно узнать ваше мнѣніе касательно слѣдующаго разрѣшенія вопроса: купленное мѣсто оставить за нами, а самый Дубъ съ дорожкою къ нему огородить перилами, какъ предметъ общаго поклоненія и всѣмъ доступный. Турки утверждаютъ, что всѣ мусульмане издавна чтили это дерево, ибо Авраама признаютъ они за великаго пророка. Вы говорите, что лишь *случайно* заходятъ на поклоненіе мусульмане. Но дѣло въ томъ, что мало ли, много ли, но *поклоняются*. Сообщите ваше окончательное заключеніе для моего личнаго свѣдѣнія, но, по возможности, съ первымъ же пароходомъ“ [121]). Ратуя о хевронскомъ дѣлѣ настойчиво, графъ Игнатьевъ не могъ не считаться и со своими личными воззрѣніями на территоріальныя пріобрѣтенія иностранцевъ въ Турціи. „Въ Іерусалимѣ вы толкуете, писалъ графъ Н. П— чъ о. Антонину, о необходимости для насъ подчиниться турецкимъ порядкамъ, продавъ нашу честь за *мнимое право* покупать на *свое имя* (на чужое намъ никто не мѣшаетъ— были бы деньги и охота) клочки земли. Но наша обязанность не слѣдовать узкимъ мѣстнымъ воззрѣніямъ, не удовлетворять временнымъ прихотямъ, а глядѣть *впередъ* и направлять свой путь *сообразно общимъ русскимъ интересамъ политическимъ*. Кажется, я вамъ еще въ Буюкъ-Дере объяснялъ, почему мы не можемъ подписать протоколъ о собственности (чего проситъ убѣдительно у насъ Турція, и чего домогается вали), и почему Америка, Италія, Персія и Греція послѣдовали нашему примѣру. Слишкомъ далеко завлекло бы меня разсужденіе о различіи воззрѣній на этотъ вопросъ“ [122]).

Извиняясь за долгое молчаніе съ отвѣтомъ на письмо и оправдываясь сложностію и множествомъ дѣлъ, графъ Игнатьевъ возвращается еще разъ къ щекотливости хевронскаго дѣла и вообще къ вопросу о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ Духовной Миссіи, на которыя онъ смотрѣлъ, къ слову сказать,

[121]) Тоже отъ 12 сент. 1869 г [122]) Тоже отъ 4/16 марта 1870 г.

нѣсколько односторонне. „Впрочемъ, пишетъ онъ, и то спасибо, что въ турецкихъ владѣніяхъ существуетъ лишь *одна* русская Духовная Миссія, а не нѣсколько, и что не всѣ русскіе *представители одарены такою мирно-потаенно-захватывающею дѣятельностью и такимъ безпокойнымъ даромъ борьбы съ мусульманствомъ и латинизмомъ и tutti quanti*, какъ одинъ извѣстный вамъ и мнѣ почтенный, но крайне предпріимчивый дѣятель. Если бы было нѣсколько „Духовныхъ Миссій", или нѣсколько пріобрѣтателей разныхъ земельныхъ угловъ, то право бѣжать пришлось бы изъ Турціи—не туркамъ, а русскому представителю, да еще, пожалуй, православнымъ іерархамъ, которымъ житья не будетъ отъ турецкихъ и европейскихъ подозрѣній. Шутки въ сторону, а письмо ваше, многоуважаемый и душевнолюбимый отецъ, меня какъ варомъ обдало. Если бы вездѣ заваривались такія неожиданныя „каши", какъ ваша „дубовая", то хоть въ отставку подавай; во всякомъ случаѣ брось политику и возись съ разными муфтіями, беями, пашами *изъза ненужныхъ Россіи клочковъ земли*, для незаконнаго пріобрѣтенія которыхъ тратятся *напрасно* (курсивъ графа) русскія деньги. Понять не могу цѣли всѣхъ палестинскихъ захватовъ за послѣднее время. И какая польза намъ прокладывать нашимъ лбомъ и плечами дорогу англичанамъ и латинянамъ въ убѣжище хевронскихъ фанатиковъ-мусульманъ. У насъ денегъ не хватаетъ на приличное содержаніе существующихъ построекъ, на устроеніе русскаго *госпиталя въ Константинополѣ*, на окончаніе возобновленія базилики въ Мурѣ-Ликійской и на разныя другія предпріятія дѣйствительно полезныя для церкви православной, для Россіи и для единовѣрцевъ нашихъ, а мы гонимся за разными участками въ Палестинѣ, намъ существенно ненужными (безъ нихъ мы обходились и обойтись можемъ), возбуждая лишь зависть противниковъ нашихъ, предполагающихъ, что у насъ существуетъ какой-то глубоко-обдуманный государственный и церковный планъ дѣятельности въ Палестинѣ, и побуждая католиковъ и протестантовъ усугублять свои усилія и громадныя денежныя средства въ этой странѣ. *Въ такой неравной финансовой борьбѣ мы въ концѣ концовъ осрамимся, будемъ задавлены.* Воля ваша, не ладно самопроизвольно вовлекать русское правительство въ *неожиданныя* для

него замѣшательства и заставлять насъ употреблять *пріобрѣтенное*—для иныхъ высокихъ цѣлей—*вліяніе въ Турціи* на принужденіе Порты признавать *законными* тайныя купчія и незаконныя сдѣлки, клонящіяся къ внезапному пріобрѣтенію различныхъ участковъ земли. Зачѣмъ гусей дразнить даромъ?

„*Будучи увѣрены въ силѣ личнаго вліянія вашего на меня*, вы злоупотребляете моею слабостію и вашею мощью. На этотъ разъ, *какъ и всегда* (Sic.), *ваше желаніе исполнено мною въ точности*. Я сдѣлалъ даже больше несравненно, вами требованнаго. Вы пишете, что „достаточно перевести муфтія хевронскаго въ иное мѣсто, и что мечтать о смѣнѣ здѣшняго паши вы предоставляете другимъ". Мечта эта сбылась. Я потребовалъ въ удобно выбранную минуту смѣны Али-бея, чтобы разомъ покончить *съ несносными палестинскими затрудненіями*, и верховный визирь исполнилъ мою просьбу. Преемникомъ Али-бея назначенъ Камиль-паша, не старый знакомый вашъ, а бывшій бейрутскій каймакамъ, съ которымъ Мокѣевъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и который никогда и прежде (когда они были въ силѣ) французовъ не долюбливалъ. Ваше дѣло и Кожевникова поладить теперь на мѣстѣ, съ новымъ губернаторомъ и разумно воспользоваться жестокимъ ударомъ внезапно постигшимъ Али-бея (поддерживаемаго Дворцомъ) и долженствующимъ внушительно подѣйствовать на вашихъ фанатиковъ въ нашу пользу. Большаго ничего требовать ни отъ меня, ни отъ Порты нельзя. Отъ васъ зависитъ извлечь плоды нашей здѣшней побѣды.

„Для человѣка, знающаго Турцію, не диво, что хевронцы, какъ разсказываете вы, работали за деньги ограду у Мамврійскаго Дуба. Гораздо диковеннѣе мнѣ показались противорѣчія, встрѣчаемыя въ письмахъ вашихъ. То вы говорите, что „Хевронъ считался доселѣ послѣднимъ убѣжищемъ фанатизма мусульманскаго", то уговариваете меня ни на минуту не останавливаться на мысли, что въ Хевронѣ чувствуется фанатизмъ жителей, и что „фанатикъ всего одинъ муфтій"! Какъ это согласить? Какъ бы то ни было, авось съ назначеніемъ новаго губернатора, у васъ водворится опять миръ и тишина, и что вы перестанете дѣйствовать à la Bismark въ Палестинѣ, *не давая бѣднымъ туркамъ и иновѣрцамъ ни минуты покоя* своими территоріальными захватами. Англи-

чане, французы и австрійцы, а не только турки серьезно озабочены приписываемыми намъ планами разширенія нашихъ владѣній подъ личиною „Духовной Миссіи“, занимающейся пріобрѣтеніемъ „помѣстій“ [123]).

„Бываютъ же между духовными Бисмарки, пишетъ графъ Игнатьевъ,—охотники заваривать кашу! Но Бисмаркъ самъ ее и расхлебывалъ, а вотъ на Востокѣ такъ водятся такіе храбрецы (въ особенности въ Палестинѣ), что заварить-то кашу заварятъ,—а расхлебывать то слишкомъ *крутую* предоставляютъ другимъ, не справившись даже, пригодна ли она имъ и хватитъ ли силъ и аппетиту для расхлеба.

„Получилъ, многоуважаемый отецъ, ваше громоносное письмо отъ 17 декабря и цѣлую стопу турецкихъ документовъ. Бѣда та, что по копіямъ здѣсь ничего нельзя сдѣлать касательно поземельной собственности. Вся суть въ подлинникѣ, который надо пристально разнюхать, чтобы толку добиться и что либо уразумѣть, при существующей процедурѣ, принятой въ турецкихъ присутственныхъ мѣстахъ. Копія — въ глазахъ турка *бошъ* и больше ничто. Предварительно нужно изслѣдованіе и заключеніе мѣстной власти, а здѣшнее *окончательное* разрѣшеніе можетъ быть исходатайствовано, лишь по прохожденіи низшей *основной* инстанціи. Вамъ близко извѣстна пословица: «Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ». При такомъ положеніи дѣлъ пришлось мнѣ удовольствоваться настоящимъ, чтобы новому губернатору іерусалимскому Кіамиль-пашѣ (терпѣть не можетъ латинъ, человѣкъ образованный—въ вашемъ вкусѣ, но имѣетъ слабость къ протестантамъ, къ Англіи и къ нашимъ друзьямъ пруссакамъ) [124]) было предписано самымъ

[123]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ 7 дек. 1871 г.

[124]) «Въ Іерусалимъ назначается новый губернаторъ Кіамиль-бей, какъ характеризуетъ его графъ Игнатьевъ, человѣкъ самый обыкновенный, вялый, глухой, добрый, полуобразованный (на французскій ладъ), приличный, но глупый, хотя слывущій за знахаря „по дѣламъ духовнымъ различныхъ христіанскихъ исповѣданій“. Онъ завѣдывалъ этой частью въ Портѣ, былъ предсѣдателемъ Коммиссіи монастырскихъ имуществъ въ княжествахъ, а прежде состоялъ въ турецкомъ посольствѣ въ Петербургѣ и чуть ли не былъ даже повѣреннымъ въ дѣлахъ. Съ нимъ легко сойтись (онъ не фанатикъ), и кто на него первый сядетъ, тотъ и будетъ ѣздить Сообщаю это для свѣдѣнія Кожевникова, чтобы наши не прозѣвали и не пустили француза» (письмо отъ 12 сент. 1869 г.) Вотъ характеристика творца нынѣшней турецкой конституціи.

снисходительнымъ и благопріятнымъ намъ образомъ разсмотрѣть вопросъ о пріобрѣтеніи вами поземельныхъ владѣній въ Палестинѣ и о *переводѣ* ихъ на имя Духовной Миссіи. Соотвѣтствующія инструкціи даны мною Юзефовичу (Совѣтую написать нѣсколько словъ наставленія сему послѣднему) и Кожевникову. Успѣхъ въ вашихъ рукахъ и консульскихъ. Сильный резервъ—мы, на готовѣ, когда почва будетъ надлежащимъ образомъ подготовлена въ Сиріи и Палестинѣ. Тогда и *копіи* вашихъ купчихъ могутъ пригодиться здѣсь. Пока хевронское дѣло не обставлено прочно, опасаюсь пускать остальныя въ ходъ. Когда первое уладится, тогда поставимъ вопросъ самымъ невиннымъ образомъ: «во избѣжаніе, молъ, недоразумѣній подобныхъ на будущее время, не худо, молъ, дать приказаніе іерусалимскому губернатору вступить въ соглашеніе съ нашею Духовною Миссіею *о переводѣ на ея имя всѣхъ другихъ земельныхъ клочковъ*, числящихся до сихъ поръ, по необходимости, на постороннихъ лицахъ и находящихся въ разныхъ мѣстахъ въ Палестинѣ». Такъ я и былъ намѣренъ поставить вопросъ, но неожиданныя компликаціи хевронскаго дѣла заставили меня пріостановиться, чтобы дать улечься страстямъ и успокоиться взволнованнымъ туркамъ и драгоманамъ. Вашъ пріятель муфтій будетъ смѣненъ новымъ губернаторомъ.. Первый драгоманъ приходитъ въ свирѣпость отъ вашихъ аргументовъ, а еще болѣе отъ вашихъ захватовъ» [125]).

„Вы далеко зашли, говоритъ графъ Игнатьевъ, въ вашихъ громоносныхъ требованіяхъ представить туркамъ *черное бѣлымъ*, а *бѣлое чернымъ*, и въ краснорѣчивой, блестящей, но софистической вашей аргументаціи, старающейся, въ подражаніе Бисмарку, оправдать всякіе захваты, пріобрѣтенія и т. п. Напрасно полагаете вы, что писанное «по-французски вышло бы гладко, галантно и въ высшей степени прилично». Дѣло мастера боится. Можно и на французскомъ языкѣ наговорить колкостей и быть шероховатымъ и непріятнымъ, стараться глаза отвести и провести хоть турокъ и даже своихъ. Точно также и въ русскомъ письмѣ можно быть любезнымъ, справедливымъ и умѣреннымъ. Русскій языкъ богаче и гибче французскаго, и такому даровитому и опыт-

[125]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ 4/16 янв 1872 г.

ному писателю, какъ вы, почтеннѣйшій отецъ архимандритъ, представляетъ богатѣйшій и удобнѣйшій матеріалъ, изъ котораго можно слѣпить все, что угодно.

„Консульству сообщена съ прошлымъ пароходомъ копія съ секретной инструкціи, данной нашѣ. Вотъ результатъ нашихъ здѣшнихъ настояній. Дѣло вошло въ нормальную колею, и отъ соглашенія мѣстныхъ властей съ консульствомъ зависитъ дальнѣйшее направленіе. Рѣшать здѣсь ab irato вопросъ о поземельной собственности Порта не можетъ. Нужны слѣдствіе мѣстное и правильная постановка вопроса въ Іерусалимѣ. А затѣмъ уже все пойдетъ по маслу. Этотъ результатъ зависитъ нынѣ вполнѣ отъ васъ и отъ Кожевникова.

„Толкуя о вашихъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, вы какъ будто хотите насъ увѣрить, что когда въ вашихъ рукахъ обрѣтается *ходжетъ* или купчая крѣпость, то главное затрудненіе устранено, и посольству не остается ни о чемъ хлопотать по сему вопросу. Неужели вы считаете насъ такими наивными людьми и невѣждами, чтобы и въ самомъ дѣлѣ себѣ вообразить, что вы уже преодолѣли *препятствія*, когда купили клочокъ земли подъ *чужимъ* именемъ? Ничто не представляетъ менѣе затрудненій въ Палестинѣ и Сиріи, какъ покупка какой угодно собственности. Арабы такъ алчны, что пожалуй и мечеть Омара продали бы, если могли бы безопасно выручить крупную сумму. Вамъ извѣстно точно такъ же, какъ и намъ, что не въ покупкѣ дѣло. Турки и представители всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій ревностно оберегаютъ всякій уголъ, всякій клочокъ земли. Арабы разсчитываютъ на эту зависть, а пока почему не стянуть—думаютъ они,—денегъ съ довѣрчиваго иностранца. Главная задача, слѣдовательно, въ *разрѣшеніи* правительствомъ покупки, а не въ пріобрѣтеніи ходжета на чужое имя.

„Если мы станемъ говорить, по вашему рецепту, Портѣ, что ничто не измѣнилось—касательно Мамврійскаго Дуба,—пріобрѣтеніемъ вами клочка земли, то Серверъ-паша тотчасъ за это ухватится, и попроситъ меня составить о томъ *положительный* протоколъ, чтобы закрѣпить statu quo ante. Куда мы тогда дѣнемся съ вашими теоретическими разсужденіями. Вообще желалъ бы я очень, чтобы вы сюда пожало-

вали, да потрудились сами съ Портой побесѣдовать о знаменитомъ Дубѣ, тогда увидѣли бы какъ легко надувать турокъ рекомендуемыми вами способами.

„Всякій разъ, какъ намъ приходится толковать съ Серверомъ о хевронскомъ Дубѣ, онъ твердитъ, какъ попугай: «одинъ изъ дубовъ (остальные не имѣютъ въ глазахъ иновѣрцевъ важности) весьма почитается мусульманами, каждый день мы имѣемъ новыя доказательства того, до какой степени необходимо, чтобы Дубъ этотъ не сдѣлался исключительною собственностью кого бы то ни было, а принадлежалъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Не смотря на все желаніе наше быть вамъ пріятными, Порта не въ состояніи допустить измѣненіе въ этомъ отношеніи и т. п.». Однимъ словомъ, если Порта и нѣсколько поддается нашимъ требованіямъ касательно вашихъ новыхъ прикупокъ, то она вовсе не расположена согласиться на ваше воззрѣніе относительно Дуба[126]), названнаго Кожевниковымъ le célèbre chîn d'Abraham. Что тутъ прикажете дѣлать? Вѣдь не войну же объявлять изъ-за пресловутаго Дуба, тогда какъ въ *цѣнности нѣтъ большой разности—считается ли Дубъ нашимъ исключительно, или какъ бы нейтрализованнымъ*. Если бы вы хотѣли его срубить (!?) или вообще распорядиться имъ иначе, то я понимаю важность для васъ вопроса, кому принадлежитъ собственно *дерево*, вамъ или всѣму человѣчеству. Въ случаѣ же сохраненія дерева въ постоянномъ его видѣ—*не все ли вамъ равно, что его будутъ считать общимъ достояніемъ, если земля, вами купленная, будетъ признана вамъ принадлежащею*» [127]).

Дѣло это, наконецъ, подвинулось къ благополучному окончанію. «Надѣюсь, писалъ графъ Игнатьевъ, что вы, многоуважаемый о. архимандритъ, убѣдились, наконецъ, въ готовности моей дѣлать все *возможное*, чтобы вамъ угодить. «По щучьему велѣнью и по моему прошенію», права недвижимой собственности русскихъ подданныхъ въ Турціи закрѣпили, не смотря на встрѣченную мною оппозицію въ Петербургѣ, между нашими консулами и многими знахарями Востока, упорно державшимися мнѣнія, что несравненно *достойнѣе* было съ нашей стороны *не подписывать* протокола, нежели принять для русскихъ права, предоставленныя дру-

[126]) Тоже отъ 9 февр 1872 г. [127]) Тоже отъ 30 марта 1873 г.

гимъ иностранцамъ. Здѣшній генеральный консулъ (Хитрово) и Ивановъ Адріанопольскій надѣялись до послѣдней минуты, что я не *поддамся вашему требованію*, принижающему «великолѣпное» отрицательное положеніе, нами занятое. *Вы довольны*,—ну и слава Богу! Теперь переведите на чье хотите имя (русское) или Духовной Миссіи тайкомъ «захваченныя» земли. *Я поспѣшилъ* извѣстить васъ по телеграфу, и чтобы скрыть ваше личное участіе (отъ паши) въ этомъ дѣлѣ, адресовалъ телеграмму на имя Кожевникова. До 1 августа дешевле, нежели впослѣдствіи. Но не пугайте сразу турокъ и иновѣрцевъ, а лучше давайте имъ «черезъ часъ по столовой ложкѣ». *Практическаго значенія нашихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній—съ русской точки зрѣнія—не вижу, а быть по вашему*“ [128]).

„Поздравляю съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла о переводѣ земельныхъ участковъ. Вотъ мы съ вами, говоритъ графъ Игнатьевъ, подъ шумокъ лучше справляемъ дѣла. Вообразите, что вчера пришлось отвѣчать мудрой Палестинской Коммиссіи, запрашивающей меня, какимъ образомъ, когда, на чье имя и т. п. удобнѣе перевести земли подъ странноприимными домами. Хочется ей на свое имя все въ Палестинѣ записать“ [129]).

Все, что писалось графомъ Игнатьевымъ по поводу Дуба Мамврійскаго относится и къ другимъ земельнымъ пріобрѣтеніямъ, сдѣланнымъ арх. Антониномъ въ Палестинѣ приблизительно въ то же время. „Мельниковъ (бывшій министръ путей сообщенія) говорилъ мнѣ, писалъ о. Антонину графъ

[128]) Хевронскій Мамврійскій Дубъ, стоившій громадныхъ для покойнаго арх. Антонина и матеріальныхъ и нравственныхъ усилій, чтобы отстоять на него права собственности, къ печали его владѣльца, замѣтно захирѣлъ и началъ сохнуть О своемъ горѣ арх. Антонинъ сообщилъ своему другу кіевскому ректору Академіи арх. Филарету (впослѣдствіи еп. рижскому). Послѣдній въ утѣшеніе 25 апрѣля 1874 г. писалъ слѣдующее: «О Дубѣ можно пожалѣть, но плакать не слѣдуетъ. Пора ему покончить дни свои. *Древняя, сказано, вся мимоидоша, и быша вся нова.* Зачѣмъ му еще оставаться? Если нужна память объ Авраамѣ, то сыны Израиля лучше вашего Дуба повсюду распространяютъ своего праотца Одно жаль, что съ кончиною «Дуба»—ваши постройки останутся при одномъ виноградѣ Да, что жъ, можетъ быть и сія плантація, распространившись на мѣстѣ «Дуба», дастъ пользы столько же, сколько «Дубъ», если только сей что-нибудь приноситъ, кромѣ желудей. Вѣчная ему память»! [129]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ 8/20 ноября 1873 г.

*

Игнатьевъ, о вашей новой затѣѣ—о покупкѣ мѣста встрѣчи Богородицы съ Елисаветою. Устроили бы прежде пріютъ у Дуба, а пожалуй за двумя зайцами погонитесь и ни одного хорошенько не поймаете“ [130]). „Сообщите мнѣ подробныя данныя и подлежащіе копіи и планы касательно владѣній вашихъ въ Горней, на Елеонской горѣ, въ Яффѣ и Бет-Джалѣ. Постараюсь сдѣлать возможное, хотя и не обойдется безъ затрудненій. *Надо вамъ угодить ни теперь, такъ при удобномъ случаѣ*, а таковой можетъ представиться, и не мѣшаетъ вамъ быть во всеоружіи своевременно, чтобы не упустить благопріятную минуту. *Не понимаю я вполнѣ пользы для Духовной Миссіи нашей пріобрѣтать болѣе и болѣе клочковъ земли Палестинской*, но готовъ вамъ способствовать по мѣрѣ силъ и возможности“ [131]).

Графъ Игнатьевъ, по указаніямъ арх. Антонина, также горячо отстаивалъ и интересы русскихъ паломниковъ. Когда сирійская линія признана была невыгодною для русскаго Общества пароходства и торговли и временно отмѣнена, то графъ Игнатьевъ приказалъ возстановить ее. „Досталось же отъ меня пароходной компаніи за прекращеніе сирійской линіи и за невозвращеніе денегъ за обратный билетъ, писалъ графъ Игнатьевъ арх. Антонину. И въ томъ и въ другомъ вы будете удовлетворены. Сирійская линія возобновится на этихъ дняхъ. Касательно выдачи денегъ поклоннику тоже будутъ сдѣланы распоряженія, смогите доказать, что возвращеніе цѣны обратнаго билета не доставитъ поклоннику средствъ взять новый билетъ на иностранный пароходъ, и потому прошеніе милостыни не зависитъ отъ дѣйствія компаніи и пр.“ [132]).

Вмѣстѣ съ арх. Антониномъ графъ Игнатьевъ пытался улучшить даже контингентъ русскихъ паломниковъ въ Іерусалимъ. „О поклонникахъ написалъ въ Петербургъ, сообщаетъ гр. Игнатьевъ въ письмѣ къ о. архимандриту Антонину, препроводивъ копію съ вашей замѣчательной бумаги. Мнѣнія ваши [133]) раздѣляю, но нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ вами мѣръ нахожу слишкомъ деспотическими (свойствен-

[130]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ 22 ноября 1870 г. [131]) Тоже отъ 12/24 мая 1871 г. [132]) Тоже отъ 7/19 октября 1866 г. [133]) Мнѣнія эти были выражены въ слѣдующихъ пяти пунктахъ:

1) «Чтобы человѣколюбивое правительство возстановило принятую имъ нѣкогда спасительную мѣру—не выпускать изъ Россіи тѣхъ поклон-

ными вашему характеру) и способными развить духовно-бюрократическую инквизицію. На этомъ основаніи, подкрѣпивъ ваши доводы о необходимости радикальнаго искорененія развивающагося зла бродяжничества, я сдѣлалъ двѣ, три *либеральныя* оговорки касательно мѣропріятій, кажущихся вамъ практическими“ [134]). Но и эти „либеральныя“ графа Игнатьева оговорки касательно „радикальнаго искорененія развивающагося зла бродяжничества“ почему-то не получили одобренія въ Петербургѣ. Графъ Игнатьевъ въ 1869 г. 14-го марта писалъ о. Антонину между прочимъ слѣдующее. „Проектъ вашъ *о* стѣсненіи праздношатающихся поклонниковъ и о требованіи нѣкоторыхъ облегченій касательно лицъ, отправляющихся въ Іерусалимъ, подвергнулся жесточайшей критикѣ во имя либерализма, свободы совѣсти, огражденія личности и т. п. *Отказано наотрѣзъ*, причемъ и мнѣ за одобреніе и ходатайство досталось. Ваши и мои соображенія признаны несоотвѣтствующими духу времени. Слава Богу, что послушались меня въ Петербургѣ хотя относительно мусульманскихъ поклонниковъ и обложили ихъ разными обязательствами, между прочимъ предварительнымъ взносомъ 10 р. съ человѣка“ [135]).

никовъ и поклонницъ, у кого не окажется (дѣйствительныхъ и собственныхъ) 150 рублей серебромъ—по меньшей мѣрѣ Ежегодно повторяющіяся здѣсь сцены самаго прискорбнаго нищенства заставляютъ всѣми силами желать сего и всѣми усиліями домогаться сего.

2) Чтобы лицъ, удостоившихся поклониться св мѣстамъ, положено было не пускать снова ко св. мѣстамъ ранѣе истеченія *десяти лѣтъ*.

3) Чтобы за возвратившимися домой наблюдаемо было, не называются ли они *новымъ* именемъ, не занимаются ли они *торговлей* вынесенными ими изъ Палестины предметами народнаго благоговѣнія и не производятъ ли тайныхъ *сборовъ* на св. мѣста.

4) Чтобы людей, завѣдомо наклонныхъ къ излишеству въ употребленіи *горячительныхъ напитковъ*, общество, къ коему они принадлежатъ, всячески удерживало отъ путешествія ко св мѣстамъ.

5) Чтобы поклонницамъ, недостигшимъ 35-лѣтняго возраста, внушаемо было, кѣмъ слѣдуетъ, отлагать исполненіе благочестиваго намѣренія видѣть св мѣста до болѣе *зрѣлой поры* жизни.

6) Чтобы какое нибудь вѣдомство взяло на себя трудъ, ежегодно, по окончаніи поклоннического періода (послѣ Пасхи) обнародывать имена всѣхъ, посѣтившихъ св. мѣста, къ общему свѣдѣнію и къ частному руководству». (Херсон. Епарх. Вѣд 1867).

[134]) Письмо къ о. Антонину отъ 18/30 іюня 1868 г. [135]) Тоже отъ 14 марта 1869 г

Предпринимались графомъ Н. П. Игнатьевымъ нѣкоторыя мѣры объ „огражденіи“ поклонниковъ отъ эксплоатаціи ихъ греками [136]), распорядителями св. мѣстъ, хотя и безъ ощутительныхъ результатовъ.

Весьма энергичное участіе принадлежитъ графу Н. П. Игнатьеву и въ дѣлѣ борьбы съ инославной пропагандою въ Палестинѣ. Находясь въ зенитѣ своего могущества на православномъ Востокѣ, онъ старался всѣми зависящими отъ него способами нанести католицизму всякій разъ чувствительный ударъ. Извѣстно, что путешествіе на Востокъ французской императрицы Евгеніи было встрѣчено въ свое время католической миссіей съ большими надеждами на его благіе результаты. Надеждамъ этимъ, однако же, не суждено было осуществиться. „Доволенъ ли патріархъ исходомъ вифлеемскаго дѣла? Хотя я и былъ *противъ малѣйшей уступки католикамъ*, т. е. Франціи, но не худо, что дѣло улажено до пріѣзда императрицы Евгеніи, а то, пожалуй, французы затѣяли бы новыя требованія. По секрету, для вашего и, пожалуй, патріаршаго свѣдѣнія сообщу вамъ, что императрица Евгенія запросила папскаго нунція, пребывающаго въ Парижѣ, письменныхъ свѣдѣній о томъ, *что она могла бы выпросить у султана для латинской церкви* во время своего путешествія по Востоку. Утверждаютъ, что нунцій сносился съ Римомъ старымъ и новымъ и доставилъ императрицѣ списокъ въ 82 пункта. *Если и десять только удастся ей здѣсь провести, то надѣлаетъ она намъ хлопотъ и заботъ. Но я не боюсь и собираюсь ратовать. Авось, съ Божьей помощью, и не дадимъ православныхъ въ обиду*, тѣмъ болѣе, что мы стоимъ въ оборонительномъ положеніи и наступательнымъ маневромъ (подобно іерусалимской Духовной Миссіи) никого дразнить не хотимъ, зная, что „одинъ въ полѣ не воинъ“. Чтобы заставить нынѣ же французовъ быть осмотрительнѣе, я отозвался на вопросъ Буре о моей задумчивости, *что ломаю себѣ голову для прiисканія 82 новыхъ требованій въ пользу православныхъ предъ Портою*, на случай какихъ либо заявленій со стороны императрицы Евгеніи, такъ какъ мы въ накладѣ оставаться не намѣрены и въ скачкѣ съ препятствіями не отстанемъ“ [137]).

[136]) Тоже отъ 13/26 января 1873 г. [137]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ 12 сентября 1869 г.

Пребываніе въ Палестинѣ австрійскаго императора Франца—Іосифа и прусскаго принца Альберта были для католичества и протестантства несомнѣннымъ успѣхомъ, и графу Игнатьеву доставили эти путешествія не мало новыхъ волненій. „Что это у васъ дѣлается, спрашиваетъ графъ Игнатьевъ о. Антонина. Какъ это патріархъ іерусалимскій слабоумно повѣрилъ, что пруссаки могутъ помочь ему возвращеніемъ румынскихъ монастырскихъ имѣній, и чтобы задобрить ихъ, *подарилъ принцу прусскому 150 пядъ греческой земли близъ входа въ храмъ Господень*[138]). Какъ это не размыслилъ Блаженнѣйшій Кириллъ, что нарушаетъ тѣмъ самымъ великій церковный принципъ „non possumus“, продѣлывая собственными руками *неисправимую* брешь въ твердыню нашего заступничества въ дѣлѣ монастырскихъ имѣній, основаннаго на томъ, что „имѣнія монастырскія не могутъ отчуждаться іерархами, принадлежатъ не имъ, а православной церкви и находятся на храненіи у духовенства.

„Французскій посолъ очень недоволенъ сближеніемъ армянъ съ греками, въ особенности на почвѣ іерусалимской или, лучше сказать, палестинской. При свиданіяхъ его съ новымъ армянскимъ патріархомъ, были у меня приставлены въ качествѣ переводчиковъ *свои люди*, и потому я знаю всѣ бывшіе разговоры. Буре старается доказать Ормиліану, что армянамъ никакого расчета нѣтъ удаляться отъ французскихъ агентовъ, отъ латинянъ, и сближаться съ православными. Буре силится даже доказать не только армянамъ, но и православнымъ свой индеферентизмъ, утверждая, что Франція будетъ покровительствовать въ равной степени всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ на Востокѣ. По всему видно, что единодушіе сопротивленія армянъ и грековъ латинянамъ въ Палестинѣ разстраиваетъ французскіе планы...

«Забылъ поблагодарить васъ, пишетъ далѣе графъ Игнатьевъ, за любопытныя подробности, вами сообщенныя о пребываніи австрійскаго императора въ Іерусалимѣ. Францъ—Іосифъ вынесъ глубокое впечатлѣніе и говорилъ мнѣ съ восторгомъ и умиленіемъ о своемъ паломничествѣ. Не къ такому

[138]) Мѣсто это принадлежало нѣкогда нѣмецкому ордену тамплеровъ, и на немъ нынѣ сооруженъ нѣмцами величественный храмъ Воскресенія.

заключенію пришелъ крон-принцъ, говорившій о грязи, безпорядкахъ, лжетолкованіяхъ, фанатизмѣ и пр., замѣченныхъ имъ въ храмѣ Гроба Господня. Странно, что духовенство (люди, отказавшіеся добровольно отъ всѣхъ благъ земныхъ и отъ стяжаній) обращаютъ такое вниманіе на щедрость посѣтителей и придаютъ такое большое значеніе денежному потоку. Очень радъ, что нѣмцы не перещеголяли нашего Августѣйшаго посѣтителя іерусалимскаго (великаго князя Константина Николаевича), котораго столько разъ подымали на зубокъ за соблюденіе экономіи....

«Вотъ мы побаивались путешествія иновѣрныхъ государей и принцевъ на Востокѣ, въ особенности же императрицы Франціи, *а все разлетѣлось въ пухъ и прахъ*. Одинъ крон-принцъ оставилъ (не изъ тучи громъ) существенный слѣдъ своей поѣздки и дѣятельности. *А католики* ничего не достигли» [139]).

„*Латинянамъ я носъ наклеилъ не малый*, писалъ графъ Игнатьевъ о. Антонину, и такъ запугалъ вали, что онъ взялъ *назадъ* у Прокша и Буре часть своихъ (уже прежде данныхъ) обѣщаній. Францисканцы получаютъ лишь малѣйшую часть желаемаго, и уступленное мѣсто будетъ ограждено стѣнами со всѣхъ сторонъ, безъ права выводить на немъ постройки и т. п. *Прокшъ и даже Буре очень недовольны, что я пронюхалъ весьма тайно веденное дѣло, прежде нежели успѣли выдать фирманъ католикамъ, и открылъ глаза дуракамъ туркамъ, пустившимъ было волка въ овчарню*. Когда я укорялъ вали въ уступчивости, онъ мнѣ отвѣчалъ: войдите въ положеніе султана, можетъ ли онъ отказать Францу-Іосифу пустую постройку [140]), находящуюся подъ несчастными монахами и составляющую всегдашній предметъ укора для Турціи, при каждомъ пріѣздѣ въ Іерусалимъ католическаго принца, «когда *сама* греческая патріархія нашла неудобнымъ отказать протестантскому принцу и уступила ему мѣсто, принадлежащее православной общинѣ»?! Видите вы теперь послѣдствія того, что греческое духовенство суется въ воду, не спросясь у насъ броду“ [141]).

[139]) Письмо графа Игнатьева къ о. Антонину отъ 7 янв 1870 г [140]) Разумѣется мѣсто дома праведныхъ Іоакима и Анны и рождества Богоматери. Нынѣ здѣсь великолѣпная католическая базилика. [141]) Письмо Н. П. Игнатьева къ о. Антонину отъ $^{4}/_{16}$ марта 1870 г

„Что натворилъ у васъ въ Палестинѣ велемудрый Бушъ, прусскій драгоманъ, спрашиваетъ графъ Игнатьевъ о. Антонина. Вали утверждаетъ, что для *рѣшенія разныхъ православныхъ дѣлъ, о которыхъ я постоянно утруждаю Порту*, онъ ждетъ лишь отвѣтовъ Кіамиль-паши на посланные іерусалимскому губернатору запросы. Заснулъ ли у васъ Кіамиль-паша, или совсѣмъ одурѣлъ?

„Не могъ я извлечь всю ту пользу, какую *желалъ* изъ дѣла Халки, единственно ради того, что патріархъ Кириллъ растаялъ предъ письмомъ латинянъ, не подалъ прошенія и лишилъ меня своимъ образомъ дѣйствій всякой *основы* для моихъ жалобъ и требованій. Не понимаю, что сдѣлалось съ Блаженнымъ? Однако добился я: *обкарналъ такъ объщанныя Австрійскому Императору и императрицѣ Евгеніи уступки, такъ Порту обставилъ такими условіями стѣснительными, что латиняне не довольны и разочарованы.* Они откровенно заявляютъ, что обмануты турками, испугавшимися Русскихъ“ [142]).

„Посолъ папскій Франки затѣеваетъ здѣсь много, писалъ графъ Игнатьевъ о. Антонину, но утверждаетъ, что *я мѣшаюсь не въ свое дѣло и ставлю ему препоны.* Посмотримъ, чѣмъ все это кончится, но, кажется, уѣдетъ *съ носомъ*, не смотря на интриги всей католической партіи, сочувствіе латинянъ и поддержку Франціи и Австріи“ [143]).

Благодарное потомство не забудетъ и тѣхъ повидимому мелочей, на какія обращалъ свое вниманіе этотъ нашъ великій дипломатъ на Ближнемъ Востокѣ, ярко характеризующихъ его, и какъ глубоко вѣрующаго христіанина, чисто русскаго склада души, и какъ человѣка гуманнѣйшаго добраго сердца. Графу Н. П. Игнатьеву, любившему «церковное благолѣпіе» [144]), принадлежитъ обновленіе нашихъ посольскихъ церквей въ Перѣ и на дачѣ въ Буюкъ—Дере. «Собираюсь строить казарму, уже лѣсъ закупилъ, писалъ о. Антонину графъ Игнатьевъ. Не хватаетъ денегъ, но написали въ Петербургъ и вѣроятно вышлютъ. Боюсь только, что о Леонидъ (арх. Кавелинъ) насъ совсѣмъ съ толку собьетъ. Извѣстный вамъ планъ Пулэра ему не нравится, и о. архимандритъ хлопочетъ (для себя или для васъ, не знаю),

[142]) Тоже отъ $^{10}/_{22}$ іюня 1870 г. [143]) Тоже отъ $^{12}/_{24}$ мая 1871 г. [144]) Тоже отъ 9 марта 1866 г

чтобы церковь осталась на старомъ мѣстѣ, и квартира начальника миссіи не была бы въ садовомъ углу. О. Леонидъ находитъ, что въ ту сторону свѣта темно и «слишкомъ тихо», предпочитаетъ или средину зданія, или въ конецъ уличный. Касательно иконостаса вотъ что намъ думается. Существующій бордюръ никуда не годится, и *живопись не православная*. Говорятъ, что у васъ въ Іерусалимѣ гдѣ-то сложены *забракованныя* Мансуровымъ шесть иконъ, годныя для иконостаса. Правда ли? И согласны ли вы намъ ихъ уступить для церкви въ Буюкъ-Дере? Не забудьте, что я не теряю надежды, что эта церковь будетъ устроена столько же для васъ, сколько и для насъ, т. е., что вы въ ней служить будете. Если бы упомянутыя 6-ть иконъ (и хоругви съ ними) могли быть уступлены для посольской церкви, то осталось бы позолотить вновь иконостасъ, *что я сдѣлаю охотно, не прибѣгая къ скупости* казны, и написать новую мѣстную икону" [145]).

Желаніе графа Игнатьева было удовлетворено немедленно и вызвало съ его стороны полнѣйшее одобреніе. «Иконы будущей Буюкъ-Дерской церкви получили, писалъ онъ о. Антонину, и расходъ не замедлили возвратить. Дѣйствительно, усердіе ваше, выразившееся необыкновенно быстрымъ доставленіемъ иконъ, насъ удивило нѣсколько, хотя я напередъ зналъ, что вы одобрите мысль и порадѣете о благолѣпіи вашей церкви въ Буюкъ-Дере, о которой вы прежде такъ заботились» [146])... «Вы меня убѣждаете о. архимандритъ, писалъ въ томъ же письмѣ графъ Игнатьевъ, выстроить особую церковь въ Буюкъ-Дере. Развѣ вы не слышали, что у насъ теперь въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ пуще прежняго мода на экономію? Денегъ не хватаетъ даже на постройку дома (казармы) въ Буюкъ-Дере, въ меньшемъ видѣ, а объ особой церкви и слышать не хотятъ. Бѣда, что скорый о. Леонидъ поторопился, не предупредилъ меня, и изъ простого любопытства — тронулъ престолъ. Кажется придется освящать (малое) на нынѣшній годъ старую церковь» [147]).

Церковью этою остался графъ Игнатьевъ вполнѣ доволенъ. «Церковь Буюкъ-Дерскую отдѣлали, писалъ онъ о. Антонину, благодаря вашему содѣйствію, вышла вполнѣ приличная,

[145]) Тоже отъ $^{7}/_{19}$ окт. 1866 г. [146]) Тоже отъ $^{17}/_{29}$ янв. 1867 г. [147]) Тамъ же

такъ что и вы, прихотливый архитекторъ, не расхаяли бы чрезмѣрно, хотя и не въ византійскомъ стилѣ построена» [148]).

Сооруженіе больницы и храма при ней для русскихъ путешественниковъ и для многочисленныхъ славянъ, проживающихъ въ Константинополѣ, безъ отказа въ медицинской помощи и тѣмъ бѣднякамъ иноплеменникамъ и иновѣрцамъ, которыхъ бѣдность и нужда приводятъ къ дверямъ русскаго госпиталя, въ загородной мѣстности Царьграда—Панкальди—это тоже осязательный плодъ высокой христіанской настроенности и человѣколюбія покойнаго графа Н. П. Игнатьева [149]). Въ созданіи этой больницы приняли участіе, благодаря стараніямъ покойнаго графа, Государь Императоръ Александръ II, разрѣшившій изъ казны отпустить на этотъ предметъ 130.000 франковъ, въ Бозѣ почивающая великая княгиня Александра Петровна, въ инокиняхъ Анастасія, снабдившая госпиталь бѣльемъ и посудою и высылавшая изъ своей петербургской Покровской общины сестеръ для безплатнаго ухода за больными, русскія аѳонскія обители Пантелеймоновская (250 турецкихъ лиръ, считая по 8 р. 50 к. въ каждой), Андреевская (500 лиръ) и Ильинская (1.000 рублей), русскіе купцы Сушкинъ 1.000 р. и Плотниковъ 4.000 р., русскіе подданные греки Антоніадисъ 18.759 франковъ, Деметріадисъ Юсуфаки 1.356 лиръ, грекъ Захаровъ 564 лиры, армянинъ Балтазаръ Шабуровъ, принявшій на себя всѣ расходы по возведенію новаго больничнаго зданія, турецкое правительство, уплатившее за участокъ, предназначавшійся первоначально для больницы и признанный вакуфомъ, 5.000 лиръ и др. Что же касается храма во имя св. Николая съ домомъ для пѣвчихъ, то онъ былъ выстроенъ исключительно на средства русскаго аѳонскаго Пантелеимоновскаго монастыря, который и доселѣ по традиціи содержитъ на свои средства пѣвчихъ этого храма изъ иноковъ обители.

На содержаніе госпиталя былъ сдѣланъ сборъ по всей Россіи, доставившій 39.000 рублей и въ 1876 г. исходатайствованъ графомъ Игнатьевымъ указъ о сборѣ съ русскихъ коммерческихъ судовъ, проходящихъ черезъ Босфоръ, въ

[148]) Тоже отъ 25 іюня 1867 г. [149]) Въ устройствѣ этой больницы и въ выработкѣ устава для нея принималъ живое участіе особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ супруги посла графини Е. Л. Игнатьевой.

размѣрѣ трехъ копѣекъ съ ласта и съ паспортовъ пріѣзжающихъ въ Турцію русскихъ подданныхъ въ размѣрѣ 50 к. золотомъ съ каждаго.

Торжественная закладка больницы и церкви при ней состоялась 4 апрѣля 1874 г., а 9 мая была открыта временно больница на 20 кроватей въ частномъ домѣ близъ стараго армянскаго кладбища за Таксимомъ. Торжественное освященіе и открытіе больницы состоялось 6 декабря 1875 г., въ присутствіи дипломатическихъ представителей греческаго, сербскаго, румынскаго и черногорскаго. Первымъ настоятелемъ больничнаго храма, въ качествѣ помощника настоятеля посольской церкви, былъ назначенъ о. Арсеній, скончавшійся въ санѣ архимандрита и намѣстника Александро-Невской лавры въ Петербургѣ.

Русскій госпиталь въ Константинополѣ по своему мѣстоположенію и внутреннему расположенію не оставляетъ ничего желать лучшаго. Находясь въ тихой загородной мѣстности и имѣя при себѣ уютный садикъ, полный разнообразной растительности, дающей больнымъ прохладу и усладу ихъ зрѣнію, въ то же время этотъ госпиталь изъ оконъ своихъ открываетъ восхитительный видъ на изумрудный Босфоръ, Мраморное море, Принцевы острова и азіатскіе берега. Трехъэтажное каменное зданіе съ продольными корридорами посрединѣ, весьма комфортабельно обставленное, снабжено всѣми необходимыми для леченія и гигіены приспособленіями и вспомогательными комнатами, 4 отдѣльными палатами для состоятельныхъ больныхъ (съ платою по 3 р. 20 к. въ сутки) и 5 общими просторными палатами. съ 33 даровыми кроватями [150]).

Такъ разностороння была плодотворная неустанная церковно-политическая дѣятельность незабвеннаго графа Н. П. Игнатьева на православномъ Востокѣ; такъ велики и такъ поучительны заслуги его на пользу православной церкви здѣсь, къ сожалѣнію, не достаточно оцѣненныя его современниками Результатамъ этой плодотворной дѣятельности, поскольку они успѣли проникнуть въ жизнь и обнаружиться, можно

[150]) Обстоятельныя свѣдѣнія о русскойбольницѣ въ Константинополѣ сообщены въ брошюрѣ доктора *В. Щепотьева*: «Русская Николаевская больница въ Константинополѣ» М 1907 г.

поистинѣ изумляться. Теперь приходится лишь сожалѣть и горько сѣтовать на то, что зависть и недоброжелательство политическихъ соперниковъ графа Н. П. Игнатьва помѣшали въ свое время осуществиться многимъ его прекраснымъ планамъ и геніальнымъ идеямъ. Но несмотря и на указанное противодѣйствие ему изъ Петербурга, откровенно выражаемое оттуда неоднократно «желаніе спокойствія и отсутствія дѣлъ на Востокѣ» [151]), на антипатріотическіе совѣты— «никого не обижать и *лучше своихъ* выдать, чѣмъ затѣвать споръ» [152]), не смотря «на отсутствіе руководящей мысли въ нашей политикѣ, ставящее въ противорѣчіе съ разными петербургскими дѣятелями (не вѣдящими, что творятъ»)[153]), наконецъ, на весьма печальное, но неотразимое сознаніе, что «у насъ вся сила сосредоточена въ петербургской бюрократіи, и что послы (представители Государя) лишь *предлагаютъ*, а рѣшаютъ и постановляютъ столоначальники, начальники отдѣленій и разные канцелярскіе дѣятели» [154]), графъ Н. П. Игнатьевъ, «руководствуясь лишь русскимъ чутьемъ и теплымъ чувствомъ» [155]) 12 цѣлыхъ лѣтъ, оставался неизмѣнно неустаннымъ «босфорскимъ труженикомъ» во славу горячо любимой имъ родины и на благо православной Церкви, «удѣляя все свое время службѣ, а себѣ оставляя только обрѣзки» [156]). Правда, вынужденный постоянно «спорить, прекословить и хитрить съ противниками и лишними союзниками» [157]) и лишенный поддержки «на сѣверѣ», «въ своемъ искреннемъ рвеніи на общую пользу» [158]), графъ Н. П. Игнатьевъ выражалъ иногда чувство глубокой горечи и по временамъ мечталъ даже «совсѣмъ избавиться отъ возвращенія въ Константинополь» [159]), но эта временная накипь на сердцѣ исчезала быстро, и онъ продолжалъ по прежнему энергично бороться «со всевозможными препятствіями и неудачами, всегда памятуя свой девизъ: «Безъ неудачъ и испытаній слишкомъ легко было бы на землѣ жить, а мы сюда присланы для борьбы и труда» [160]). «Не охладѣвая къ дѣлу и не па-

[151]) Письмо графа Игнатьева къ о. арх. Антонину отъ $^{4}/_{16}$ марта 1870 г. [152]) Тоже отъ 12 сент. 1869 г. [153]) Тоже отъ 14 марта 1869 г. [154]) Тоже отъ 7 января 1870 г. [155]) Тоже отъ 25 іюля 1867 г. [156]) Тоже отъ $^{7}/_{19}$ окт. 1866 г. [157]) Тоже отъ 25 іюля 1867 г. [158]) Тоже отъ 12 сент. 1869 г. [159]) Тоже отъ 14 марта 1869 г. [160]) Тоже отъ 3 февр. 1878 г.

дая духомъ» самъ лично, Н. П. Игнатьевъ предостерегалъ и другихъ своихъ сотрудниковъ «отъ апатіи и индеферентизма» [161]).

Послѣ всего сказаннаго ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что графъ Н. П. Игнатьевъ, какъ искусный дипломатъ, энергичный работникъ и знатокъ дѣлъ на Ближнемъ Востокѣ, пользовался громаднымъ вліяніемъ въ Константинополѣ въ сферахъ отоманскаго правительства, среди представителей высшей греческой іерархіи и своихъ коллегъ—европейскихъ дипломатовъ и стяжалъ себѣ любовь и уваженіе не только среди мѣстнаго христіанскаго, но даже мусульманскаго населенія. Турецкій султанъ Абдулъ-Азисъ считалъ графа Игнатьева своимъ «пріятелемъ» и искалъ его дружбы и поддержки. «Съ султаномъ мы, писалъ графъ Игнатьевъ о. арх. Антонину, *пріятели самые близкіе.* На долго ли? Не знаю. Богу одному извѣстно. Сегодня султанъ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта поздравить съ переѣздомъ въ Буюкъ-Дере (мы переѣхали нѣсколько дней назадъ) и спросить о здоровьѣ. *Такихъ нѣжностей здѣсь и не видали. Иностранцы бѣсятся и скалятъ зубы.* Вы человѣкъ процательный, а думали, что мы поссоримся по черноморскому вопросу, да еще драку затѣетъ. Это обстоятельство лишь *скрѣпило старую дружбу* [162]). Зачѣмъ драться, когда можно дѣла и безъ того обдѣлывать по своему» [163]). Турки восхищались его гибкимъ умомъ, неустрашимою отвагою и настойчивымъ характеромъ, величая его почетнымъ титуломъ «Игнатъ-паша». Греки боялись его и злорадствовали его неудачамъ, ожидая съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ его удаленія изъ Константинополя. Коллеги-дипломаты завидовали ему и въ тайникѣ души недолюбливали. За то русскіе, проживавшіе въ Константинополѣ, и южные славяне прямо, можно сказать, боготворили его и любили до самозабвенія. «Встрѣтили здѣсь меня русскіе подданные и наши единовѣрцы

[161]) Тоже отъ $^{18}/_{30}$ іюня 1868 г. [162]) Не лишне замѣтить, что близость графа Н. П. Игнатьева къ султану Абдулу-Азису почему-то не нравилась въ Петербургѣ. Интимность эту порицали въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, и не благосклонно смотрѣлъ на нее, какъ сообщаетъ Ю. С Карцовъ, и Государь Императоръ Александръ II, сдѣлавшій на одной депешѣ графа Н. П. Игнатьева о преданности намъ султана Абдулъ-Азиса слѣдующую собственноручную помѣтку: «Se n'ai que faire de Son amitié» (За кулисами дипломатіи стр. 13). [163]) Письмо отъ $^{12}/_{24}$ мая 1871 г.

(правильнѣе единоплеменики), писалъ графъ Н. П. Игнатьевъ къ о. Антонину въ 1869 г., по возвращеніи въ Константинополь, *съ радостію*, чуть не съ тріумфомъ. Спасибо добрымъ людямъ, сознающимъ мое искреннее рвеніе на общую пользу, три дня къ ряду выходили въ Черное море пароходы, украшенные флагами. Жаль, что «бодатой коровѣ Богъ рогъ не даетъ» [164]).

Вѣчная тебѣ память, русскій витязь, неустрашимый честный ратоборецъ во славу своей родины и на благо святой православной Церкви! Да будетъ тебѣ родная земля пухомъ.

[164]) Тоже отъ 12 сент. 1869 г.